

Мир Французской революции

Н. А. Троицкий

Наполеон Великий

Том 1

*Гражданин
Бонапарт*

Мир Французской революции

Николай Троицкий

**Наполеон Великий. Том
1. Гражданин Бонапарт**

Автономная некоммерческая организация
"Издательство "Политическая энциклопедия"

2007

УДК 94(100)"654"
ББК 63.3(0)5

Троицкий Н. А.

Наполеон Великий. Том 1. Гражданин Бонапарт /
Н. А. Троицкий — Автономная некоммерческая организация
"Издательство "Политическая энциклопедия", 2007 — (Мир
Французской революции)

ISBN 978-5-8243-2357-3

Вниманию читателей представлен фундаментальный труд известного российского историка, профессора Николая Алексеевича Троицкого (1931–2014). Книга стала результатом его многолетних исследований наполеоновской темы и истории русско-французских отношений. Это не просто биография выдающегося государственного деятеля, но и ценный историографический источник, отражающий важную веху в истории изучения наполеоновской проблематики в России. Работа н. А. Троицкого предельно полемична. Он осознанно выделяет наиболее острые вопросы, словно подталкивая оппонентов к дискуссии. Первый том («Гражданин Бонапарт») охватывает время от рождения Наполеона до его восшествия на императорский престол. Книга предназначена научным работникам, аспирантам и студентам вузов и всем, кто интересуется наполеоновской проблематикой. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(100)"654"
ББК 63.3(0)5

ISBN 978-5-8243-2357-3

© Троицкий Н. А., 2007

© Автономная некоммерческая
организация "Издательство
"Политическая энциклопедия", 2007

Содержание

Ю. Г. Степанов, М. В. Ковалев	7
Введение	15
Глава I	22
1. Семья	22
2. Детство	27
3. Военное обучение	31
Глава II	40
1. Первые шаги	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Николай Алексеевич Троицкий

Наполеон Великий. Том

1. Гражданин Бонапарт

© Музей-усадьба Н. Г. Чернышевского, 2020

© Ковалев М. В., Степанов Ю. Г., вступительная статья, 2020

© Политическая энциклопедия, 2020

Ю. Г. Степанов, М. В. Ковалев
Профессор Николай Алексеевич
Троицкий: «Всерьез и на всю жизнь»

Саратовское Поволжье всегда было краем работающего и свободолюбивого народа. Издревле сюда, в бескрайние степные просторы от барина, от кнута и крепостного намордника бежали тысячи холопов и крестьян, здесь в тайных скитах укрывались от «слуг антихристовых» раскольники, осваивали «дикую степь» и защищали хлебопашцев от набегов кочевников вольные казаки. Со временем Саратовское Поволжье стало житницей России. Потомки беглых и «гулящих» насельников обустроили и обогатили край тяжким трудом, но характер и нрав своих предков – вольнолюбивый, честный и прямой – сохранили.

В степях Саратовского Левобережья на правом берегу реки Большой Узень в сорока километрах от города Ершова расположено село Новорепное. Здесь 19 декабря 1931 года у Алексея Васильевича и Пелагеи Евдокимовны Троицких и родился сын Николай – будущий известный историк. Коллективизация и недород начала 1930-х годов оставили о себе страшную память в истории страны. Частушка – эта образная, яркая и гротескная форма коллективной памяти народа – так свидетельствует о лихолетье той поры: «В тридцать третьем году всю поели лебеду. Руки, ноги опухали, умирали на ходу». Беда не обошла и семью Троицких. К угрозе голодной смерти прибавилась и другая напасть: половодье буквально смыло их глинобитный домишко. Николай Алексеевич сохранил смутное воспоминание о первом в своей жизни «путешествии». В 1933 году Алексей Васильевич, спасая домочадцев от неминуемой гибели¹, вывез семью в Астрахань, к дальним родственникам. Два года спустя Троицкие вернулись на малую родину. Здесь и прошли детство, отрочество, юность будущего ученого.

В довоенное время Новорепное, затерянный в степях районный центр, все же имел свой кинозал в местном Доме культуры, библиотеку, среднюю и две начальные школы. Сохранялась в глубинке, несмотря на такое «благо цивилизации», как сельский клуб, любимая народная забава: кулачные бои. В свободное время сходились «добры молодцы» стенка на стенку. Дрались, по ироническому замечанию Николая Алексеевича, «культурно», «до первой крови», без всякой злости, чтобы лишь померяться силой и удалью. На войну «добры молодцы» «почти все ушли добровольцами, и ни один не вернулся»...²

Исключительное влияние на личность будущего историка оказал его отец, человек открытый и жизнерадостный. Николай Алексеевич вспоминал, что тот «был малограмотным, четыре класса школы, но мечтал, чтобы я был “грамотеем”, он мне книги покупал, сказки рассказывал, читал, когда я еще совсем маленьким был». Так что в сентябре 1939 года «в первый класс средней школы я поступил подготовленным», – написал в своих мемуарах Николай Алексеевич³. Его мама Пелагея Евдокимовна, целиком погруженная в быт, заниматься образованием сына предоставила мужу.

22 июня 1941-го мирная жизнь оборвалась на долгие четыре года. Великая Отечественная война принесла Троицким не только нужду, существование впроголодь и тяжелый труд, но и страшную, невосполнимую потерю: в 1942 году в боях за Северный Кавказ погиб Алексей

¹ Масштабы постигшей Поволжье в 1930-е годы трагедии передают скупые, бесстрастные строки недавно рассекреченного донесения начальника Саратовского оперативного сектора рабоче-крестьянской милиции: в городе Саратове «с 1 по 9 июля [1933 г.] ... было подобрано 25 трупов детей, а 10 июля – за один день 18 трупов детей» (Государственный архив Саратовской области. Ф. Р-461. Оп. 4. Д. 39. Л. 188).

² Троицкий Н. А. Книга о любви (Записки историка). Саратов, 2006. С. 21.

³ Там же. С. 9, 12.

Васильевич Троицкий, так и не успев порадоваться успехам сына⁴. Памяти отца Н. А. Троицкий посвятит одну из лучших своих книг «Безумство храбрых»⁵. Для Николая Алексеевича смерть отца стала первой, но, увы, не последней утратой. Смерть злым роком преследовала его всю жизнь, унося с собой одного за другим любимых, родных и близких людей...

Предвоенные годы в советской деревне не были сытными и безбедными. Однако для Николая трудности окупались свойственным юности оптимизмом и желанием учиться. Из всех школьных предметов он особо любил словесность, сделавшись на всю жизнь страстным книголюбом, и, конечно, историю. Круг чтения Николая Алексеевича отличался необычайной широтой (благо в селе была хорошая библиотека): романы В. Скотта, В. Гюго, А. Дюма, А. Н. Толстого, произведения И. С. Тургенева, М. Ю. Лермонтова. Все, что могли дать школьная и сельская библиотеки, было проштудировано. Вот лишь один штрих к биографии ученого: уже поступив на исторический факультет, он первым делом бросился в университетскую библиотеку дочитать «Отверженных» Виктора Гюго – в экземпляре его районной библиотеки не хватало последних страниц⁶. В годы юности он прочел классические труды Е. В. Тарле о Наполеоне и Отечественной войне 1812 года, изданные накануне Второй мировой. Именно Тарле навсегда остался для Николая Алексеевича эталоном историка, а его работы – непревзойденным образцом сочетания яркого повествования с глубиной анализа.

В годы военного лихолетья Николай Алексеевич помогал матери и каждое лето до темна трудился на сельхозработках. Воспитанная с детства привычка к труду стала залогом будущих успехов ученого. Николай Алексеевич помнил имена и фамилии каждого из своих одноклассников, бережно хранил пожелтевшую фотографию выпускников 1949 года Новорепинской средней школы № 1 и, показывая ее друзьям и коллегам, с гордостью говорил: «Все мы, дети войны, получили высшее образование и разлетелись кто куда». Однако только один из них – Н. А. Троицкий – выбрал путь историка и поступил на исторический факультет Саратовского государственного университета. «Я ни разу не пожалел о сделанном выборе», – говорил Николай Алексеевич незадолго до смерти.

1 сентября 1949 года Николай Алексеевич впервые вступил в стены классического, как теперь принято говорить, Саратовского государственного университета. С Саратовом будут связаны лучшие годы его жизни, все победы и беды, счастье и трагедии.

После страшной войны студенческая молодежь увлеченно стремилась к знаниям, жила небогато, но дружно и весело. Для многих, включая и Николая Алексеевича, Саратов был первым в жизни крупным культурным городом. Саратовские театры, музеи, консерватория были переполнены молодежью. Не пропускал ни одной сколько-нибудь значимой премьеры и студент Троицкий, но более всего манила его богатейшая Научная библиотека Саратовского университета, в которой он буквально пропадал (порой пренебрегая лекциями и семинарами), часами просиживая в читальном зале.

Организованный и целеустремленный, Николай Алексеевич уже на первом курсе точно определил хронологический и тематический круг своих научных интересов: Россия XIX века, наполеоновские войны. Чтобы читать в оригинале источники и литературу, изучал французский язык. Увы, когда подошло время писать дипломную работу, на кафедре истории Нового времени будущему профессору предметно объяснили, что на факультете нет специалистов по истории наполеоновских войн, и вообще надо писать не о войнах, а о борьбе за мир во всем мире⁷. Конечно, Николай Алексеевич был огорчен этим обстоятельством. Однако, написав

⁴ 7-й горнострелковой бригады от 10.11.1942, гвардии красноармеец Троицкий Алексей Васильевич убит 18.09.1942. Орджоникидзевский край, Наурский р-н, Ищерский с/с, ст. Ищерская, вблизи берега реки Терек (https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie).

⁵ Троицкий Н. А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг. М., 1978.

⁶ Троицкий Н. А. Книга о любви (Записки историка). С. 21.

⁷ Троицкий Н. А. Книга о любви. С. 47.

дипломную работу на предложенную научным руководителем тему, не отказался от мечты изучать наполеоновскую эпоху. Сказалось то качество, которое М. В. Ломоносов называл «благородной упрямкой», иными словами, умение преодолевать препятствия для достижения поставленной цели. Много лет спустя, будучи уже известным исследователем, Троицкий с блеском реализует юношескую мечту в целой серии работ о событиях Отечественной войны 1812 года, Наполеоне и его маршалах, императоре Александре I и М. И. Кутузове⁸.

По окончании университета, отработав положенные три года в сельской школе, Николай Алексеевич летом 1957 года приехал в Москву и, сдав на отлично все экзамены, выиграл конкурсную борьбу за единственное место в аспирантуре Московского государственного педагогического института. В те годы там работали немало известных ученых: И. И. Минц, А. Л. Нарочницкий, М. А. Барг, Э. Н. Бурджалов, В. Н. Бочкарев и многие другие. У каждого из них Николай Алексеевич стремился взять что-то обогащающее потенциал историка, но оставался верен избранной еще в студенчестве эпохе – XIX веку. Предметом исследования в кандидатской диссертации под руководством профессора П. И. Кабанова он выбрал «кружок чайковцев» – заметную, но практически не изученную в то время исследователями народническую организацию. В выборе темы диссертации и научного направления в целом сказались природная интуиция Николая Алексеевича. Снятие сталинского запрета на изучение русского народничества открывало широкие перспективы для молодого ученого. Аспирантуру Н. А. Троицкий окончил с готовой и рекомендованной к защите кандидатской. Однако самой защиты пришлось ждать три года, пока в журнале «История СССР» (с четырехлетним запозданием) не вышла необходимая для защиты статья⁹.

Осенью 1960 года Николай Алексеевич был распределен на кафедру основ марксизма-ленинизма в Шадринский педагогический институт Курганской области. Историк не терял времени: писал статьи, и уже тогда продумывал план будущей докторской диссертации. К счастью, пребывание вне сферы настоящей науки длилось недолго. Весной 1961 года Н. А. Троицкий получил приглашение работать на кафедре истории СССР Саратовского государственного университета и принял его. Так, семь лет спустя, Николай Алексеевич вернулся в alma mater уже в качестве преподавателя. В 1963 году, работая на историческом факультете, Н. А. Троицкий защитил кандидатскую, а в 1971 году и докторскую – о политических процессах в России в 1871–1890 годы. По тем временам он стал самым молодым доктором исторических наук и профессором на историческом факультете Саратовского университета. На факультете он проработал более полувека, и все эти годы был верен кафедре, трижды на его веку менявшей название: кафедра истории СССР, кафедра истории СССР досоветского периода, с 1991 года – кафедра истории России. В течение 26 лет, с 1975 по 2001 год, он был ее заведующим¹⁰.

Имя Николая Алексеевича, благодаря его научным статьям и книгам, многие из которых выходили в московских издательствах, было известно в научных кругах далеко за пределами России. Он многие годы являлся визитной карточкой или, как бы сейчас сказали, брендом не только истфака, но и всего университета. Во многом именно благодаря ему исторический факультет Саратовского университета считался в 1990-е – начале 2000-х годов одним из лучших в России.

⁸ Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М.: Мысль, 1988 (2-е изд. М.: Омега, 2007); он же. Отечественная война 1812 г. История темы. Саратов: Изд-во СГУ, 1991 (Англ. перевод: The Great Patriotic War of 1812. A History of the Subject. New York, 1993); он же. Александр I и Наполеон. М.: Высшая школа, 1994 (2-е изд. М.: Яуза, 2007); он же. Фельдмаршал М. И. Кутузов: легенда и реальность. Саратов, 1998 (Расширенное издание: Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002).

⁹ Троицкий Н. А. Большое общество пропаганды. 1871–1874 гг. (т. н. «чайковцы») // История СССР. 1962. № 5. С. 74–91.

¹⁰ Предшественниками Николая Алексеевича на посту заведующего кафедрой, ведущей начало еще с 1917 г., были такие видные ученые, как В. И. Веретенников, П. Г. Любомиров, А. М. Панкратова, Н. Л. Рубинштейн, В. В. Мавродин, Л. А. Дербов, В. В. Пугачев.

Блестящий ученый и лектор, Н. А. Троицкий был кумиром многих поколений студентов и преподавателей исторического факультета. Его искренне любили ученики и коллеги. Но и сам Николай Алексеевич поражал окружающих, легко вспоминая тех, кого он десятки лет назад видел юными студентами в стенах истфака. И это было не только свойством феноменальной памяти, но и отношением к людям: искренним и добрым, особенно к тем, кого он учил и воспитывал личным примером.

Редчайшее умение сочетать обширную информацию с увлекательным изложением, великолепные психологические зарисовки, приправленные юмором, а где следует – и сатирой, уникально трепетное по нашим временам отношение к русскому языку, совершенная диалектика мысли и языка отличали Николая Алексеевича Троицкого на протяжении всей его научной жизни.

Ждет своего часа и публикация большого эпистолярного наследия профессора¹¹. За годы творческой жизни он состоял в дружеской переписке с выдающимися отечественными и зарубежными историками и писателями: Ф. Вентури (Италия), Е. Лампертом (Англия), Д. Рейли (США), Н. М. Дружининым, П. А. Зайончковским, Ю. В. Трифоновым, Е. А. Таратутой, Ю. В. Давыдовым и др., а также с потомками героев своих книг: внучкой одного из лидеров I Интернационала и партии «Народная воля» Г. А. Лопатина Еленой Бруновной Лопатиной, внучатой племянницей «нравственного диктатора» «Народной воли» С. Л. Перовской Софьей Глебовной Перовской, дочерьми корифеев российской адвокатуры Н. К. Муравьева (душеприказчика Льва Толстого) и П. Н. Малянтовича (министра юстиции Временного правительства), Татьяной Николаевной Волковой и Галли Павловной Шелковниковой, внуками знаменитых адвокатов Н. П. Карабчевского (Ниной Анатольевной Винберг) и В. И. Танеева (Еленой Павловной) и другими. Книги Николая Алексеевича находили отклик не только у специалистов, о чем свидетельствуют письма от читателей из множества мест (городов, районных центров, поселков) огромной страны. Среди корреспондентов историка – музейные работники, учителя, старшеклассники, студенты, шахтер, капитан дальнего плавания – словом, представители самых разных слоев советского, а позже и российского общества.

Путь к признанию для Н. А. Троицкого был непростым не только потому, что он не выбирал легких творческих путей, но и по причинам, весьма далеким от науки и научной этики. Для Николая Алексеевича Троицкого честь и честность были не только однокоренными словами, но и понятиями одного порядка. Он категорически не принимал некомпетентности и откровенной лжи в науке, не боясь вступать в дискуссии с самыми высокопоставленными оппонентами¹². Принципиальность и твердость Троицкого, участника жарких «боев за историю», не единожды вызвали у власть имущих раздражение и требование «принять меры» по отношению к строптивому историку. Печальную известность в России и за ее пределами получила кампания против Н. А. Троицкого, инициированная властями Саратовской области, после того как в мае 2002 г. профессор опубликовал статью «“Обер-вешатель” на пьедестале почета», отражающую его критическую (и далеко не бесспорную) позицию в отношении П. А. Столыпина¹³. Причина острой реакции со стороны власть имущих заключалась в том, что Николай Алексеевич поставил под сомнение «научные заслуги» тогдашнего областного начальника Д. Ф. Аяцкова, «по образованию агронома, а по специальности куровода»¹⁴, который, став губернатором, защитил кандидатскую диссертацию, а уже через два года – докторскую (по истори-

¹¹ Обширный архив Н. А. Троицкого находится в фондах Саратовского музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского. Работа по научной обработке богатейшего наследия историка только-только началась.

¹² О дискуссиях и публичных выступлениях историка по научным вопросам см.: Троицкий Н. А. Сказания о правде и кривде в исторической науке. СПб., 2013.

¹³ Троицкий Н. А. «Обер-вешатель» на пьедестале почета // Настоящий Саратов. 2002, 31 мая. Статья эта была немедленно перепечатана рядом периодических изданий.

¹⁴ Троицкий Н. А. Книга о любви. С. 187.

ческим наукам!). От руководства университета и исторического факультета потребовали уволить профессора, но коллеги дружно встали на его защиту и заставили чиновников пойти на попятную. Правда, что было ожидаемо, впоследствии все попытки представить Николая Алексеевича к званию «Заслуженный деятель науки РФ» пресекались кем-то свыше уже на стадии подачи документов.

Не менее сложно складывались отношения профессора Н. А. Троицкого с руководством университета, пришедшим в 2003 году на смену команде ректора, члена-корреспондента РАН Д. И. Трубецкого. Историк не раз открыто критиковал авторитарный стиль управления нового ректора Л. Ю. Коссовича, бесконечные реорганизации и оптимизации, увольнения несогласных, установившуюся в университете атмосферу доносительства и стукачества¹⁵. Университетское начальство отвечало Н. А. Троицкому в меру своей «воспитанности»: так, однажды, в мае 2009 года, сотрудник охраны издевательски не пустил в корпус пожилого профессора, забывшего дома служебный пропуск¹⁶. В годовщину 80-летия Николая Алексеевича ректорат Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского стыдливо дистанцировался от празднования юбилея ученого. В итоге торжества организовал другой саратовский университет – Технический, в котором Н. А. Троицкий долгое время работал по совместительству. Там же его удостоили звания Почетного доктора, в то время как в alma mater этого сделать не удосужились. Необходимо отметить, что в противовес безразличной позиции официального руководства Саратовского государственного университета верные друзья и коллеги по кафедре истории России сумели самостоятельно организовать издание юбилейного сборника в честь профессора¹⁷.

Николай Алексеевич, несмотря на несчастья – потерю сына Дмитрия и жены Валентины Петровны, невзирая на многочисленные несправедливые, порой откровенно клеветнические нападки оппонентов, не озлобился, никогда не был хмурым и раздраженным, умел с юмором выйти из трудной ситуации, всегда сохранял самоиронию и мужество. Он находил моральную поддержку и вдохновение в музыке и искусстве, азартно следил за успехами обожаемого им с юности московского «Спартака». Прикованный в последние месяцы жизни к постели, но пытаясь встать на ноги, он шутил: «Я как в работе Ленина: “Шаг вперед, два шага назад”».

Для Н. А. Троицкого любовь была не фигурой речи, а смыслом жизни, ее сердцем, тем, без чего сама жизнь пуста, неприглядна и бессмысленна. Фразу «больше, чем любовь» он не воспринимал категорически, поскольку был убежден – выше любви нет ничего в мире. Не случайно свои мемуары, во многом исповедальные, он назвал «Книга о любви». Это действительно *Книга о любви*. К людям, профессии, Отечеству и его истории.

Николай Алексеевич был удивительно цельным человеком. Все, что он любил и делал в своей жизни, было, по его словам, «всерьез и на всю жизнь». Поступать по-иному он просто не мог.

* * *

Научные интересы Николая Алексеевича были столь разнообразны, что невозможно охарактеризовать их все. Итогом творческой деятельности профессора стали 40 книг и более 400 статей¹⁸. Годы спустя профессор Троицкий сетовал, что, переступив порог 80-летия и

¹⁵ Ректорида: хроника административного произвола в новейшей истории Саратовского государственного университета (2003–2013). New Providence, 2014. Т. I. С. 185–186; Цодикова А. Мы да наша боль // Саратовский расклад. 2007. № 39(192). 1–7 ноября; Микулина С. Историческая личность Николай Алексеевич Троицкий // Общественное мнение. 2006. № 6 (81).

¹⁶ Ректорида: хроника административного произвола. Т. I. С. 50.

¹⁷ Николаю Алексеевичу Троицкому – к юбилею: Сборник статей / под ред. С. А. Мезина. Саратов: Изд-во «Наука», 2011.

¹⁸ Николай Алексеевич Троицкий: библиографический указатель / авт. вступ. ст. и сост. Ю. Г. Степанов. Саратов: Изд-во СГУ, 2002. 49 с.

будучи автором нескольких сотен статей и четырех десятков книг, он так и не написал пока три важнейшие для него монографии: об историке Е. В. Тарле, народоволке С. Л. Перовской и Наполеоне. К личности и научному наследию Тарле саратовский историк относился с особым пиететом, часто публиковал материалы о неизвестных фактах из жизни автора «Нашествия Наполеона на Россию»¹⁹. Время от времени Николай Алексеевич порывался ехать в Москву для работы в архивах над биографией Тарле, но так и не осуществил своего намерения. «Я теперь невыездной», – шутил профессор. По целому ряду обстоятельств он не мог надолго покидать Саратов, чтобы написать обстоятельный, с привлечением новых документов труд о Е. В. Тарле. Это требовало времени и сил, которых, как чувствовал Троицкий, оставалось все меньше. Биографическое исследование о С. Л. Перовской он успел завершить на склоне жизни, но увидеть книгу опубликованной ему уже было не суждено²⁰.

Личность великого француза, его роль в истории и в целом эпоха Наполеона привлекали внимание Н. А. Троицкого с юности²¹. В 1963 году, будучи преподавателем кафедры истории СССР Саратовского университета, он отправил в журнал «Вопросы истории» большую статью (88 с.) с пересмотром дворянских и советских стереотипов в освещении войны 1812 года. Работа была отвергнута по «идейным соображениям», и ее автор «понял, что тема “Двенадцатого года”» для него «закрыта»²². Как оказалось, на четверть века. Все это время Николай Алексеевич, не оставляя надежды на лучшие времена, работал над темой «Наполеон и Россия», что называется, в стол. Вознаграждением за веру в себя и упорство в достижении цели был изданный в период перестройки его блестящий труд «1812. Великий год России». Монография Троицкого стала настоящим событием, вызвав целый ряд и положительных рецензий, и резких откликов, и бурных дискуссий на страницах научных изданий. Не менее острую полемику вызвало появление его монографии о М. И. Кутузове. В период между изданиями работ об Отечественной войне 1812 года и Кутузове Н. А. Троицкий сделал первый шаг к исполнению давней мечты – написать научную биографию Наполеона Бонапарта. В 1994 году вышла в свет его книга «Александр I и Наполеон», написанная в редком для современной исторической науки жанре сравнительного жизнеописания. Очевидно, что к созданию фундаментального труда о Наполеоне Бонапарте исследователь шел в течение многих лет и примерно в 2007 году, завершив работу над рукописью двухтомника, попытался издать его. К сожалению, Российский гуманитарный научный фонд его заявку на издательский грант отверг. Работа Н. А. Троицкого долгое время оставалась неопубликованной.

Свою книгу автор назвал «Наполеон Великий». Название двухтомника, конечно, необычно. Но сам Николай Алексеевич отмечал, что для специалиста тот факт, что Наполеон как историческая личность не менее, а еще более велик, чем наши Петр и Екатерина Великие и всем миром признанные Кир Великий, Карл Великий, Фридрих Великий, даже Александр Великий, неоспорим. И все же в отношении к Бонапарту у него не было наивного идеализма. Не случайно на вопрос своего коллеги профессора А. И. Авруса о том, как все же он относится к Наполеону, Николай Алексеевич ответил: «Я его не люблю, но уважаю»²³.

Последняя работа Н. А. Троицкого предельно полемична. Он осознанно выделяет наиболее острые вопросы, словно подталкивая оппонентов к дискуссии. Если попытаться свести авторскую концепцию к нескольким узловым моментам, то выходит следующее. В понимании автора Наполеон – своеобразный феномен «демократического диктатора». К 1799 году идеалы

¹⁹ Троицкий Н. А. Евгений Викторович Тарле // Историографический сборник. Саратов, 1977. Вып. 6. С. 3–57; он же. Историк и поэты (К биографии Е. В. Тарле) // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сборник к 50-летию служения С. О. Шмидта историко-архивному институту. М., 2000. С. 150–151, и др.

²⁰ Троицкий Н. А. Софья Львовна Перовская. Жизнь. Личность. Судьба. Саратов, 2014 (2-е изд.: М., 2018).

²¹ Троицкий Н. А. Книга о любви. Саратов, 2006. С. 38.

²² Там же. С. 101.

²³ Аврус А. И. Слово о Николае Алексеевиче Троицком // История и историческая память. Саратов, 2016. Т. 13/14. С. 184.

Великой французской революции давно утонули в крови гражданской войны, нищете большинства граждан Республики, чиновном произволе и воровстве. Страна находилась в состоянии экономического коллапса. Первый консул энергично и с удивительной быстротой восстановил во Франции политическую и социальную стабильность, преодолел экономический кризис, наладил всю систему управления государством сверху донизу. Принятая в редакции Бонапарта Конституция 1799 года закрепила важнейшие завоевания революции: гражданское равенство, бессословность общества, право собственности. Не удивительно, что подавляющее большинство французов поддержали Наполеона как национального лидера. С другой стороны, Троицкий отмечает и нескрываемый политический цинизм Бонапарта, подмявшего под себя все ветви власти и подавившего оппозицию. Историк считает конституционное оформление гражданских прав при почти полной ликвидации политических свобод неизбежным условием для преодоления постреволюционного синдрома. Трудно судить, насколько правомерна такая постановка вопроса, но возрождение Франции в консульство Наполеона – неоспоримый факт.

В работе Н. А. Троицкого Россия Александра I – полная противоположность наполеоновской Франции. Историк постоянно сравнивает положение двух крупнейших стран Европы начала XIX века, и это сравнение не в пользу нашей страны. В интерпретации Н. А. Троицкого свободная Франция наголову превосходила крепостную Россию во всех без исключения сферах: экономической, социальной, политической, военной. Такая картина тотального верховенства родины Бонапарта над «вотчиной» Романовых не кажется абсолютно достоверной. В частности, Н. А. Троицкий доказывает, что при Александре I военно-полицейский режим в России значительно превосходил то, что было во Франции. Это тезис спорный и практический недоказуемый. Достаточно вспомнить, что в России декабристы долгие годы безнаказанно вели антиправительственную деятельность практически на виду у царя и правительства, тогда как Наполеон решительно и жестко подавлял все очаги сопротивления режиму.

Характер наполеоновских войн в Европе – один из самых дискуссионных вопросов, не имеющий однозначного решения. В «Наполеоне Великом» Н. А. Троицкий повторяет те положения, что отстаивал на протяжении долгих лет. По его мнению, преобразования Бонапарта, в первую очередь отмена крепостного права и Гражданский кодекс, вели к прогрессивным изменениям в европейских странах. Именно это заставило монархические режимы Европы объединиться в борьбе с «корсиканским чудовищем». Историк подчеркивает, что из двенадцати войн, которые вел Наполеон с «феодальными коалициями», только в двух случаях (в кампаниях против Испании и России) он был их «зачинщиком», во всех остальных именно монархи феодальной Европы (при поддержке Англии) стремились уничтожить свободную Францию.

При этом Троицкий признает, что передовые идеи невозможно навязать «отсталым народам» силой. Эти утверждения вызывают ряд вполне логичных вопросов. А пытался ли Наполеон распространять «передовые идеи» мирным путем? Почему он так и не отменил крепостное право в России? Почему, вопреки обещаниям, так и не даровал политическую независимость Польше? И главное. Согласимся, что уничтожение крепостничества и сословного строя, принятие Гражданского кодекса – все это, безусловно, громадный шаг вперед. Но ведь от этого для испанцев, немцев, русских и других «отсталых» народов Европы французы не переставали быть оккупантами. Можно ли приписать стремление к национальной свободе исключительно невежеству масс и корыстным интересам верхов? Определенное лукавство просматривается и в оценке жертв, к которым привели двадцать лет непрерывных военных кампаний Наполеона. Николай Алексеевич указывает, что по размаху и человеческим жертвам наполеоновские войны – «детская игра» по сравнению с Первой и особенно со Второй мировой войной. Такой подход нарушает принцип историзма, определяющего, что каждое историческое событие следует сравнивать с предшествующим ему, а не последующими. Двадцатый век по масштабам насилия и жертв не имеет аналогов в мировой истории. Правомерны ли такие сравнения? Думается, что вряд ли.

С выводами и мнением саратовского историка можно спорить, но вместе с тем многое из того, что происходит в последние годы в общественно-политической и научной жизни страны, заставляет внимательнее прислушаться к автору «Наполеона Великого».

В начале 2000-х годов Троицкий, анализируя новейшую историографию «наполеоновских войн», пришел к неутешительному выводу: удушливая атмосфера псевдопатриотизма вновь воцарилась в исторической науке России. По его мнению, в изучении противостояния России и Франции начала XIX столетия имеет место парадоксальный временной кульбит. Историки постсоветской России, отказавшись от марксизма, вернулись к «дворянско-монархической концепции» второй половины XIX века с ее самодержавным пафосом, воспеванием Александра Благословенного и безудержным поношением Наполеона. Анализируя исследования последних лет о войне 1812 года, о Бонапарте и его кампаниях в Европе, о Заграничном походе русской армии, Троицкий находил, что его понимание личности и великой роли Наполеона в мировой истории, как и его критика «освободительной миссии» русской армии в Европе, противоречат «патриотическому» вектору в современной российской историографии.

Ныне у читателя появляется прекрасная возможность самому оценить позицию профессора Троицкого по дискуссионным вопросам наполеоновской эпохи. Можно не сомневаться, что двухтомник Н. А. Троицкого привлечет внимание историков и неизбежно породит дискуссии. Подлинная научная полемика там, где бьется талантливая и живая исследовательская мысль. А в этом отношении равных Николаю Алексеевичу Троицкому было и есть совсем немного.

Какой роман – моя жизнь!

Наполеон

В десять лет он подвинул нас целым веком вперед.

М. Ю. Лермонтов

При жизни он выпустил мир из рук, но после смерти вновь завладел

им.

Ф. Р. Шатобриан

Введение

Верно говорят, что Наполеон – самое известное имя в истории человечества. Столько всего не написано ни о ком другом, кроме Иисуса Христа. Но о Христе пишут уже две тысячи лет, о Наполеоне – две сотни. Пишут и пишут. Великий Фредерик Стендаль еще в 1818 г. предсказал: «Через 50 лет историю Наполеона придется заново писать каждый год»²⁴. Сегодня невольно думается, что чуть ли не каждый зрелый историк призван написать своего «Наполеона». Почему? В чем секрет магнетизма наполеоновской темы? А в том, как подметил английский наполеоновед Дэвид Чандлер, «Наполеон и до наших дней остается загадкой, дразнящей и ускользающей, и в то же время он является наиболее благодарной темой для изучения»²⁵.

Ни об одном из людей, пожалуй, никогда не было такого разброса мнений – от фанатичного возвеличения, граничащего с обожествлением, до иступленного развенчания, – как о Наполеоне. Величайшие умы расходились в оценках его личности, хотя надо признать, что в подавляющем большинстве они признавали его если не первым, то одним из первых военных и государственных гениев всех времен и народов. Именно в нем они усматривали самый яркий пример «гениального человека» (А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский, В. Гюго и А. Мицкевич)²⁶, называя его в своем увлечении «небывалым гением» (Г. В. Гегель), «лучшим отпрыском Земли» (Д. Г. Байрон), «квинтэссенцией человечества» (И. В. Гете), «божеством с головы до пят» (Г. Гейне)²⁷ и т. д. Для Дениса Давыдова Наполеон – «величайший полководец всех времен»; для академика (механика и математика) А. Н. Крылова – «один из величайших гениев, когда-либо бывших»; для Марины Цветаевой – «бог всей мировой лирики»²⁸; Шарль де Голль назвал его «сверхчеловеческим гением»²⁹.

По высочайшей шкале оценивали Наполеона как историческую личность самые разные авторитеты: генералиссимус А. В. Суворов, А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов, И. С. Тургенев и Н. А. Добролюбов, Ф. И. Шалапин и В. Я. Брюсов, О. Бальзак и Д. Гарибальди, Л. Бетховен и Н. Паганини, Б. Шоу и Марк Твен³⁰. Два светила науки и политики из стран, бывших главными врагами Наполеона, англичанин лорд А. П. Розбери и россиянин академик Е. В. Тарле пришли к одинаковому заключению: «Наполеон до бесконечности раздвинул то, что до него считалось крайними пределами человеческого ума и человеческой энергии»³¹.

С другой стороны, есть (правда, в неизмеримо меньшем числе) и авторитетно-*негативные* оценки Наполеона. Так, Ф. Шиллер заявлял, что Наполеон как особый тип исторической личности ему «противен». Декабрист К. Ф. Рылеев считал Наполеона «исчадьем злым

²⁴ Стендаль. Собр. соч. М.: Л., 1950. Т. 14. С. 3.

²⁵ Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М., 2000. С. 9.

²⁶ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 1. С. 34; Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1939. Т. 3. С. 139; Гюго В. Собр. соч.: В 15 т. М., 1953. Т. 12. С. 82, 233; Т. 15. С. 12; Мицкевич А. Собр. соч.: В 5 т. М., 1954. Т. 5. С. 174, 221–222.

²⁷ Гегель Г. В. Работы разных лет: В 2 т. М., 1971. Т. 2. С. 343; Байрон Д. Г. Полн. Собр. соч.: В 4 т. СПб., 1905. Т. 3. С. 152; Эккерман И. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1981. С. 175; Гейне Г. Собр. соч.: В 10 т. М., 1957. Т. 4. С. 424.

²⁸ Давыдов Д. В. Соч. М., 1962. С. 308, 386; Крылов А. Н. Мои воспоминания. Л., 1984. С. 438; Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. М., 1994. Т. 5. С. 521. По собственному признанию М. И. Цветаевой, она «больше всех и всего любила Наполеона» и когда впервые приехала в Париж, то «из любви к императору» поселилась на Rue Vopararte, 59-bis (Там же. Т. 6. С. 304, 613).

²⁹ Цит. по: Туган-Барановский Д. М. Наполеон и власть. Балашов, 1993. С. 258.

³⁰ См.: Суворов в сообщениях профессоров Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1900. Кн. 1. С. 20; Реизов Б. Г. Пушкин и Наполеон // Русская литература. 1966. № 4. С. 53–57; Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. М., 1958. Т. 1. С. 45, 47; Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма. М.; Л., 1961. Т. 1. С. 356, 485; Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1961. Т. 1. С. 106; Ф. И. Шалапин. Т. 2: Статьи, высказывания, воспоминания о Шалапине. М., 1960. С. 494; Брюсов В. Я. Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 2. С. 183–185; Бальзак О. Собр. соч.: В 24 т. М., 1960. Т. 17. С. 55, 156; Гарибальди Д. Мемуары. М., 1966. С. 318; Тибальди-Кьеза М. Паганини. М., 1981. С. 40, 50; Твен Марк. Собр. соч.: В 8 т. М., 1980. Т. 8. С. 215.

³¹ Тарле Е. В. Соч.: В 12 т. М., 1959. Т. 7. С. 20; Rosebery A. P. Napoleon. The last phase. London, 1922. P. 7.

Ада», а идеолог европейского анархизма П. А. Кропоткин относил его к «маньякам, хотевшим заставить мир пойти вспять». И. А. Бунин при имени Наполеона испытывал «просто ужас»³².

Заметим, однако, что даже самые яростные критики личных качеств Наполеона не умаляли его масштабности. Антинаполеоновский памфлет 1814 г., изданный в Москве, гласит: «Многие мнили видеть в нем Бога, немногие – сатану, но все почитали его великим»³³. Единственный в своем роде взгляд на него как на «самонадеянное ничтожество» – взгляд Льва Толстого³⁴ – воспринимается сегодня как нонсенс, литературное зубоскальство одного гения по адресу другого, хотя именно этому нонсенсу следовали, как правило, советские историки-официозы (П. А. Жилин, Л. Г. Бескровный, Н. Ф. Гарнич) и писатели (В. С. Пикуль, С. П. Алексеев, О. Н. Михайлов), взиравшие на гигантскую фигуру Наполеона, что называется, «со стороны подметок». Характерно, что многие литераторы, а также военный теоретик и историк М. И. Драгомиров «резко отрицательно» (в особенности А. П. Чехов, А. К. Толстой и Д. С. Мережковский) восприняли карикатурное изображение Наполеона в романе «Война и мир»³⁵.

Томясь в изгнании на острове Святой Елены, Наполеон однажды воскликнул: «Какой роман – моя жизнь!» Действительно, нет в истории человечества другого героя, жизнь которого была бы столь романтична и насыщена головокружительными круговоротами судьбы: «первый солдат веков и мира» (по выражению Дениса Давыдова), прошедший огнем и мечом всю Европу от Мадрида до Москвы, Египет, Сирию, младший лейтенант Наполеон поднялся на недостижимую в то время высоту французского императора и европейского властелина, рухнул с этой высоты почти в небытие, вновь – на «сто дней» – вернул себе прежнее величие и опять был низвергнут, но не забыт, а еще больше (уже посмертно) возвеличен, получив к своим лаврам гения и тирана ореол мученика.

На сегодня о Наполеоне написаны больше 400 тыс. трудов. Только авторов опубликованных воспоминаний лично о нем президент Института Наполеона (есть такой во Франции!) Жан Тюлар насчитал 794. С 1903 по 1971 г. в разных странах о Наполеоне поставлены более 500 театральных пьес, 59 художественных и документальных кинофильмов и даже несколько *балетов* (в том числе балет «Наполеон Бонапарт» корифея советской музыки Т. Н. Хренникова). Казалось бы, феномен Наполеона всесторонне изучен, но остается неисчерпаем. С одной стороны, появление новых источников и точек (или даже углов) зрения, а с другой – перемены в нашем видении мировой истории и, главное, самого мира, в котором мы живем, побуждают нас заново постигать смысл важнейших событий и роль крупнейших деятелей, исправлять старые и обретать новые представления.

Так, мировую сенсацию представили собой публикации на всех основных языках планеты Стена Форсхувуда (Швеция) и Бена Вейдера (Канада), раскрывших тайну смерти Наполеона на острове Святой Елены, – не опочил от рака желудка, как считалось, а был злодейски отравлен.

С конца 1980-х годов бесценным подспорьем для исследователей наполеоновской эпохи стал капитальный двухтомный «Словарь Наполеона» под редакцией самого, пожалуй, авторитетного сегодня наполеоноведа Жана Тюлара. В словаре почти 2000 страниц, более 15 000 статей, над которыми работали 205 историков. К сожалению, этот словарь, дважды изданный во Франции (в 1987 и 1999 г.), на русский язык не переведен.

³² Шиллер Ф. П. Фридрих Шиллер. М., 1955. С. 331; Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч. М., 1934. С. 326; Кропоткин П. А. Этика. М., 1991. С. 312; Бунин И. А. Окаянные дни. М., 1991. С. 148.

³³ Сен-Клудский журнал наполеоновых знаменитых дел... М., 1814. Ч. 1. С. 4.

³⁴ Толстой Л. Н. Полн. Собр. соч. М., 1952. Т. 48. С. 60–61. Как известно, Толстой считал «ничтожеством» и В. Шекспира, произведения которого вызывали у Льва Николаевича «отвращение, скуку и недоумение» (Там же. Т. 35. С. 217).

³⁵ См.: Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. М., 1949. Т. 15. С. 259; Толстой А. К. Собр. соч.: В 4 т. М., 1964. Т. 4. С. 272; Мережковский Д. С. Наполеон. М., 1993. С. 9, 64; Драгомиров М. И. Очерки. Киев, 1898. С. 76; нов М. А. Ульмская ночь. М., 1996. С. 40–41; Симонов К. М. Наполеон // Французский ежегодник за 1969 г. М., 1971. С. 210. О неприятии толстовского Наполеона Эрнестом Хемингуэем см.: Французский ежегодник за 1976 г. М., 1978. С. 11.

В постсоветское время в России начался и продолжается прямо-таки ажиотаж с изданием литературы о Наполеоне. Впервые на русском языке изданы превосходные монографии Э. Людвиг и Ж. Тюлара, Д. Чандлера и А. Кастело, Р. Делдерфилда и Х. Беллока, Б. Вейдера и В. Кронина, воспоминания о Наполеоне К.-Ф. де Меневаля и Констана Вери, Л.-Ж. Маршана и Б. О'Мира, переиздаются сочинения самого Наполеона, классические труды Е. В. Тарле, А. З. Манфреда, Д. С. Мережковского, В. Скотта, Ф. Кирхейзена, А. Вандаля, а наряду с ними выходит в свет масса новинок, в основном, к сожалению, низкосортных. Есть среди них, конечно, и очень ценные издания, как, например, великолепный фолиант О. В. Соколова «Армия Наполеона», но преобладают сенсационно-поверхностные или попросту легковесные.

Так, модный ныне драматург и тележурналист Э. С. Радзинский выпустил несколько изданий своего труда «Наполеон. Жизнь после смерти», который изобилует оценочными и фактическими оплошностями вроде следующего тезиса (якобы от Наполеона): «Русские оставили нам Москву, не посмев ее сжечь»³⁶. Еще как посмели!

А. А. Щербаков в книге «Наполеон. Как стать великим» (СПб., 2005) признает Наполеона «гениальным полководцем», но то и дело подчеркивает, что он был «никудышный стратег» и вообще не имел «стратегического мышления» (С. 16, 119, 166, 244). Это ведь все равно, что сказать о В.-А. Моцарте или П. И. Чайковском: он был великий композитор, но никудышный музыкант, напрочь лишенный слуха. Кстати, Щербаков шокирует образованного читателя и нарочито упрощенным, почти блатным слогом: «Наполеон не такой был человек, чтобы задницу кому-то лизать», «он пер, как танк», «кампанию по втюхиванию “дезы” Наполеон провел блестяще», «дальше дела пошли хреново», «он пустил псу под хвост свою военную карьеру взамен получил шиш с маслом» (С. 34, 39, 69, 167, 218) и т. д.

Столь же легковесен еще один из новейших *российских* «Наполеонов» авторства С. Ю. Нечаева. Его опус, явно перегруженный домыслами и побасенками³⁷, издан в 2005 г. в Москве под претенциозной шапкой «Подлинная история Наполеона» и с еще более претенциозным подзаголовком «Развенчание героя». Развенчивает Нечаев героя, опираясь, главным образом, на скандально известные мемуары маршала О.-Ф. Мармона (герцога Рагузского), изменившего Наполеону и Франции и тем самым запятнавшего себя так, что от его титула появилось в языке парижан словцо «*gaguser*» как «синоним подлого предательства»³⁸.

Если такие авторы, как Э. С. Радзинский, А. А. Щербаков, С. Ю. Нечаев, не являясь специалистами в наполеоновской историографии, стараются взглянуть на личность и деятельность Наполеона по-новому, то *специалист* В. М. Безотосный предпочел реанимировать архайку царско-советских штампов. Так, в сочинении, непосредственно и полемично обращенном ко мне, он вслед за царским официозом А. И. Михайловским-Данилевским и советским П. А. Жилиным изображает Наполеона «самым беззастенчивым захватчиком и грабителем в международном плане», ответственным, кстати, и за сожжение Москвы (!), а феодальные коалиции его противников – всего «лишь скромниками», которые, мол, *всегда* вели против него «освободительные войны» с целью «восстановить баланс сил в Европе» и создать нечто вроде системы коллективной безопасности от такого грабителя³⁹.

Еще более сенсационны, но не менее ущербны новейшие издания (в переводах на русский язык) зарубежных ниспровергателей Наполеона. Таковы, в особенности, книги английского историка Десмонда Сьюарда «Наполеон и Гитлер» (Смоленск, 1995) и австрий-

³⁶ Радзинский Э. Роковые минуты истории. М., 2005. С. 593.

³⁷ Например, один из параграфов здесь озаглавлен: «Поражение Наполеона при Маренго» (С. 54), а на острове Святой Елены, по мнению Нечаева, был похоронен вовсе не Наполеон, а «кто-то другой» (С. 362).

³⁸ Цит. по: Черкасов П. П. Лафайет. Политическая биография. М., 1991. С. 318.

³⁹ Безотосный В. М. Антинаполеоновские войны: борьба с прогрессом или агрессией? (Полемика с Н. А. Троицким) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. 7. М., 2008. С. 393–394, 399–400, 402.

ского медика Антона Ноймайра «Диктаторы в зеркале медицины. Наполеон. Гитлер. Сталин» (Ростов н/Д., 1997).

Сьюард приводит в своей книге мнения Уинстона Черчилля и голландского профессора Питера Гейла о Наполеоне и Гитлере. Так, Черчилль в 1940 г. заявил: «Я решительно отвергаю какое-либо сравнение между г-ном Гитлером и Наполеоном; я не желаю оскорблять мертвого», а Гейл отметил, что «при упоминании имени императора рядом с именем фюрера чувствуешь себя виноватым и хочется просить у Наполеона прощения» (С. 8, 9). Но, процитировав эти отзывы, Сьюард настаивает на своем: «Наполеон и Гитлер – предтечи антихриста», «масштаб их вины перед человечеством сопоставим», Наполеон воплотил в себе «все зло, принесенное Французской революцией» (С. 182, 370, 372) и т. д.

Что касается книги Ноймайра, то, хотя автор ее известен как врач-*терапевт*, она выглядит шизофреничной: шокирует сведущего читателя натужное стремление автора изобразить трех абсолютно разных людей как одинаковых носителей «чудовищной извращенности», «садистской жажды мести и бредовых идей», как монстров, которые «принесли своим народам лишь страдания и смерть» и «руки которых в буквальном смысле слова (?! – Н. Т.) по локоть обогреты кровью невинных жертв» (С. 2, 4, 474 и др.).

Если даже в научной литературе о Наполеоне встречаются такие измышления, то историческая беллетристика перенасыщена ими. Вот два сравнительно свежих примера. Роман немецкой писательницы Габи фон Шёнтан «Мадам Казанова» (рус. пер.: М., 1996) выдержан в историко-порнографическом жанре. Заглавная героиня романа (вымышленный персонаж), международная проститутка, укладывает к себе в постель Наполеона и Александра I, Талейрана и Поццо ди Борго, английских дипломатов и русских военачальников и, таким образом, оказывает заметное воздействие на ход политических событий в Европе, сыграв чуть ли не решающую роль в падении империи Наполеона. Сам Наполеон представлен жутким злодеем, это нравственный выродок и психопат, который, впрочем, когда был молод, имел одно достоинство: «очаровательную улыбку», вскоре утраченную.

Другой роман – английского писателя Фрэнка Кеньона – «Мой брат Наполеон» (рус. пер.: М., 1994) представляет собой неуклюжий пасквиль на самого Наполеона и на его сестру Каролину, от имени которой ведется повествование. Каролина здесь – примитивная шлюха, а Наполеон – дурак (с. 477), фанфарон (с. 507), «помешанный на власти» (с. 488), трус (особенно боится кошек: с. 258, 259), гомосексуалист («постельный партнер» собственного лакея: с. 305), безобразный даже внешне – с «большим брюхом», нервным тиком (грызет ногти) и геморроем (с. 501).

Сегодня, впервые в России, проявилась и противоположная крайность – демонстративная (для россиян даже дерзкая) апология Наполеона. А. П. Никонов, следуя своей заявке: «... наше дело – разобраться и оправдать Наполеона. Потому что он хороший»⁴⁰ (в частности, как «самый эффективный менеджер всех времен и народов»: с. 2), не опровергает, а попросту, не чинясь, отбрасывает укоренившиеся у нас представления: например, фиксирует «Бородинский разгром нашей армии» (с. 268) и *жалеет* о том, что «Наполеону не удалось покорить Россию, а то и нам он подарил бы отличный свод законов» (С. 149). При этом все, кто до Никонова исследовал жизнь и деятельность Наполеона, для него мало что значат. Особенно досталось Евгению Викторовичу Тарле – самому выдающемуся из всех, кто когда-либо писал в России о Наполеоне. Для Никонова Тарле – «несчастный» исполнитель «заказа партии», который мог «проболтаться» всуе и потом «смешно оправдываться» (С. 262), «придворный историк» (С. 263) и «сталинский сокол» (С. 274). Стало быть, Никонов толком не знает ни трудов Тарле, ни его биографии, не знает, что Евгений Викторович претерпел при Сталине и арест, и ссылку, и разжалование из академиков, и убийственные нападки на него партийной прессы в 1937 и

⁴⁰ Никонов А. П. Наполеон: Попытка № 2. СПб., 2008. С. 90.

1951 г. Правда, одно достоинство в творчестве Тарле Никонов вальяжно признает: «Писал не как историк, т. е. скучно и занудно, а как настоящий писатель (типа меня, ну, может, чуть послабее)» (С. 310).

Каков литературный стиль (и заодно исторический кругозор) самого Никонова, иллюстрируют следующие примеры: Наполеон «не стеснялся “мочить в сортире”» (С. 107), но «не понимал, какого черта Александр I лезет в Европу» (С. 250), и «на хрена» Фридриху-Вильгельму III лишняя территория (С. 202); русская армия – это «крепостная скотина» (С. 205), а сам Александр I – «потрясающая гнида» (С. 208); ну а супруга Наполеона Жозефина – просто «шалава» и «сука» (С. 128, 137). Наконец, позабавлю читателя шедевром из исторических аналогий А. П. Никонова: «Расстрел герцога Энгийенского в тогдашнем высшем свете восприняли примерно так же, как в современной России восприняли бы (внимание, мой читатель! – *Н. Т.*) расстрел Аллы Пугачевой» (С. 179).

«Сенсационный бестселлер» «самого скандального современного историка», как представлена в аннотации книга А. М. Буровского «Наполеон – спаситель России», трудно принять всерьез. Здесь и поразительная неосведомленность автора (Кутузов при Бородине якобы «не ставил целью остановить Наполеона и удержать Москву», а «причины московского пожара 1812 г. остаются до сих пор (для Буровского. – *Н. Т.*) неизвестными»), и топорность авторских оценок (отступление войск Наполеона из России – это «отвратительный драпеж крыс», которые, мол, «кинулись обратно в свою нору», то бишь во Францию). Что же касается парадоксальной роли Наполеона как «спасителя России», то Буровский понимает ее так: Наполеон в России «мог только пакостить и разрушать», чем спровоцировал против себя «дубину народной войны» (выражение Льва Толстого), которая погубила его, а, стало быть, спасла Россию⁴¹.

Итак, писали и пишут о Наполеоне чаще и больше, чем о ком-либо. Но, вероятно, очень многие из тех, кто принимался за работу над биографией «первого солдата веков и мира», невольно задумывались: а по плечу ли им такая задача? Так, Е. В. Тарле опасно приступал к соперничеству со своими предшественниками, называя при этом В. Скотта, Ф. Стендаля, Л. Н. Толстого. А. З. Манфред по той же причине десятилетиями «не считал себя морально вправе» выступить с книгой о Наполеоне, ссылаясь теперь еще на самого Тарле, а также на А. Моруа, Э. Людвига «и многих, многих других»⁴².

Думается, для того чтобы создать достаточно масштабное жизнеописание Наполеона, нужен большой исследовательский и просто жизненный опыт. Не случайно Тарле написал своего «Наполеона» в 62 года, Д. С. Мережковский – в 63, А. З. Манфред – в 65. Я начинаю писать в 75 лет, но имея монографию «Александр I и Наполеон», впервые изданную в 1994 г., когда мне было 63 года (переиздана в 2007 г.). Разумеется, я не стремлюсь написать о Наполеоне лучше Тарле и Манфреда, как и не боюсь написать хуже, но знаю, что напишу иначе, по-своему. У меня – свой взгляд на жизнь, деятельность и личность Наполеона, взгляд, который, надеюсь, заинтересует и, быть может, увлечет многих, хотя, уверен, многих и оттолкнет.

Здесь имею в виду не только содержание, но и само название книги: «Наполеон *Великий*». Собственно, в этом нет никакой сенсации. Не просто «великим» (полководцем, государственным деятелем, законодателем), но и «Наполеоном Великим» называли первого из Наполеонов К. Маркс и Ф. Энгельс⁴³, а французский историк Эдуард Дрио опубликовал его трехтомную биографию именно под таким названием «Наполеон Великий»⁴⁴. Но в российской историографии так назвать книгу о Наполеоне было бы вызывающе неприлично ни при каком режиме – ни в царское, ни в советское, ни в постсоветское время, только потому что Наполеон воевал

⁴¹ Буровский А. М. Наполеон – спаситель России. М., 2009. С. 365–366, 368, 381.

⁴² Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. 4-е изд. М., 1986. С. 6–7.

⁴³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 239.

⁴⁴ Driault E. Napoléon le Grand (1769–1821). P., 1930. V. 1–3.

с Россией (о том, что он с Россией дружил и стремился к союзу с ней, не принято распространяться).

Между тем на вопрос, разве Наполеон *как историческая личность* менее велик, чем наши Петр и Екатерина Великие или всем миром признанные Кир Великий, Карл Великий, Фридрих Великий, даже Александр Великий, – на этот вопрос напрашивается сам собой разумющийся, неопровержимый ответ: конечно, не менее, а даже более.

К тому же учитываю разнообразие жанров в жизнеописаниях Наполеона – у Ж. Тюлара социологический, у Э. Людвига – психологический, у Д. С. Мережковского – философский, у А. Кастело – беллетристический. Меня привлекает больше всего чисто исторический жанр, в котором наиболее гармонична книга Е. В. Тарле «Наполеон», которая, однако, недостаточно полна и отчасти устарела. Что касается написанной в том же историческом жанре книги А. З. Манфреда «Наполеон Бонапарт», то она, при всех ее достоинствах (яркая, обстоятельная, поучительная), композиционно дисгармонична: в ней заметно скомкана 2-я часть, о заточении Наполеона на острове Святой Елены нет даже отдельного параграфа.

Источниковая база мировой наполеонианы безбрежна и, естественно, используется различными авторами в разной мере, причем российские историки меньше, чем следовало бы, используют французские источники, а труды французских историков страдают недооценкой, а то и попросту игнорированием российских источников. Между тем российскими источниками, относящимися к Наполеону, буквально изобилуют и капитальные (включая многотомные) публикации⁴⁵, и архивные фонды – Министерств иностранных дел и военного, а также Александра I, А. А. Аракчеева, А. П. Ермолова, А. С. Шишкова, Н. К. Шильдера, К. А. Военского и др.

Справедливости ради надо признать, что в России французская и вообще иностранная литература о Наполеоне учитывается гораздо лучше, чем во Франции российская. Показательны библиографические справки к фундаментальному «Словарю Наполеона» под редакцией Ж. Тюлара. В библиографии к статье «Русская кампания 1812 г.» из российских исследований здесь названа лишь монография царского историка Д. П. Бутурлина, к статье «Александр I» только книги царских же официозов Н. К. Шильдера и вел. кн. Николая Михайловича, а к статьям «Кутузов» и «Наполеон» даже не назван ни один россиянин (в библиографии к статье – довольно обширной – о М. И. Кутузове рекомендована всего лишь одна книга, да и та английского историка Р. Паркинсона).

Мой «Наполеон» основывается на традиционно разнообразных источниках, включая разысканные мною и впервые использованные в книге «Александр I и Наполеон» архивные документы (относящиеся, правда, лишь к *императору* Наполеону), с учетом различных концепций русской дореволюционной (охранительной, либеральной, демократической), советской, постсоветской и зарубежной историографии.

Задачу свою вижу в том, чтобы изложить возможно подробнее и доступнее для массового читателя мое видение всей жизни и деятельности Наполеона, его личностных качеств, результатов, последствий и уроков всего им содеянного. Главное, хотелось бы, и я попытаюсь решить такую задачу с позиций, научно сбалансированных, свободных от политической предвзятости и субъективных пристрастий. Теперь уже мало кто спорит с тем, что Наполеон – величайший полководец и государственный деятель всемирной истории. Но этот уникальный гений сочетал в себе, наряду с массой достоинств, одиознейшие черты деспота, тирана, агрессора; правда, до сих пор дискутируют, в какой мере они были свойственны Наполеону. Ведь этот деспот создал самый передовой в современном ему мире и поныне действующий в самых цивилизованных

⁴⁵ См., например: Внешняя политика России XIX и начала XX в.: Документы российского министерства иностранных дел. Серия I (1801–1815 гг.). М., 1960–1967. Т. 1–6; Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной его имп. величества канцелярии. СПб., 1876–1917. Т. 1–15; Отечественная война 1812 г.: Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. СПб., 1900–1914. Т. 1–22; Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815). СПб., 1882.

странах свод законов; этот тиран свел к минимуму политические репрессии во Франции, а что касается его как агрессора, то вот факт, который у нас принято замалчивать: из 10 своих войн за 1804–1815 гг. Наполеон в восьми (исключая лишь две войны – с Испанией и Россией) не был зачинщиком. Кстати, Александр I, которого вообще не считают агрессором, за те же 1804–1815 гг. провел войн *больше*, чем Наполеон! На одну войну, но – больше.

Чем масштабнее личность, тем крупнее ее достоинства и недостатки. У Наполеона и то и другое значимо, и все – на виду. Поэтому важно оценить и его легендарное обаяние, и то отторжение, которое он вызывал не только как властитель, но и просто как человек (сын, брат, муж, отец, друг) у разных людей, у современников и последующих историков. Разумеется, я не стремился расследовать все это исчерпывающе и окончательно, ибо, как подчеркивает современный историк Роже Дюфрес, «история Наполеона никогда не будет завершена и никогда не будет написана полностью»⁴⁶.

Встал передо мной и вопрос о том, как начать книгу о Наполеоне – эффектно, «с аксессуарами в антураже», или просто, без всяких эффектов. Вспоминаю, как позабавил меня и настроил против «аксессуаров в антураже» отрывок из письма Е. В. Тарле к Е. Л. Ланну в связи с изданием книги Ланна о Ч. Диккенсе. «Жду Вашего “Диккенса”, – писал Евгений Викторович. – Я уже знаю, что начнете, как мне нравится: родился тогда-то, там-то, родители – то-то и то-то и пр. А не так: “Он потянулся, чихнул. И рывком родился. А кругом теснились облака со вспотевшими боками. Он поглядел и тоже вспотел”. Вообще будет хорошо, как у Вас бывает, когда Вы пишете в реалистической манере»⁴⁷. Прочитав такое у Тарле, я порадовался за то, что всегда стараюсь писать «в реалистической манере», именно так начинал «Александра I и Наполеона», так начну теперь и «Наполеона Великого»...

Сердечно благодарен за неоценимую помощь в работе над этой книгой самому ответственному и самому строгому ее редактору моей жене Марине Николаевне.

⁴⁶ Дюфрес Р. Наполеон. М., 2003. С. 6.

⁴⁷ Проблемы истории международных отношений: Сб. статей памяти акад. Е. В. Тарле. Л., 1972. С. 66–67.

Глава I

Начало начал

*Этот мальчик сделан из гранита, но внутри у него вулкан.
Учителя Бриеннской военной школы о юном Наполеоне*

1. Семья

На острове Корсика в городе Аяччо есть площадь Летиции. Угол ее не одну сотню лет занимает дом № 1, точно такой же, как все другие дома, но – с трехцветным флагом (государственный флаг Франции) над воротами и доской на стене с надписью: «Государственная собственность». Этот дом закрывает свои двери только на ночь. Все остальное время здесь не иссякает поток туристов. Им говорят: «В этом доме 15 августа 1769 г. родился Наполеон», намеренно допуская очевидную неточность.

Тот дом, в котором действительно родился Наполеон, был разрушен в 1793 г. корсиканскими роялистами и восстановлен через три года из развалин так, что «и снаружи, и внутри совершенно изменился». Об этом еще в начале XX в. писал один из самых осведомленных биографов Наполеона Фридрих Кирхейзен⁴⁸. Тем не менее заново восстановленный дом стоит на прежнем месте, и он, конечно же, может рассматриваться – с соответствующей оговоркой – как исторический памятник XVIII в. и место рождения Наполеона.

Кстати, в Аяччо сегодня есть и Аллея Наполеона (главная улица города), и Набережная Наполеона, и Авеню Первого Консула, а также улица Бонапартов, бульвары Матери и Жерома (брат Наполеона), улица Римского короля (т. е. Наполеона II, сына императора)⁴⁹.

Итак, 15 августа 1769 г., в праздник Успенья, родовые схватки у Летиции Бонапарте начались в местной церкви, на молитве. Ее принесли домой, но не успели даже уложить в постель, и она родила будущего императора в прихожей, на подвернувшейся кушетке. «Эту тактику внезапного нападения Наполеон применял потом всю жизнь», – заметит один из его биографов.

Долгое время в литературе жила легенда, рассказанная Э. Лас-Казом (якобы со слов Наполеона) и Стендалем о том, что Летиция родила Наполеона «на старинном ковре с вытканными на нем сказочными героями Илиады»⁵⁰. Однако Ф. Кирхейзен и А. Кастело опровергли эту легенду, ссылаясь на воспоминания самой Летиции: «Все это – сказки... Во всех наших домах на Корсике никогда не было ковров – ни зимой, ни летом. Для чего они?»⁵¹

О родителях Наполеона нам известно сегодня почти все, хотя и не обошлось без легенд, одна из которых ведет род Бонапартов от Железной Маски (якобы брата-близнеца Людовика XIV), другая от византийских императоров Палеологов, а третья – даже от древнеримского патрицианского рода Юлия Цезаря⁵². В действительности отец Наполеона Карло Мария *Буонапарте* (таково, на итальянский лад, написание этой фамилии) принадлежал к старинному дворянскому роду выходцев из Флоренции, один из которых был хоругвеносцем и будто бы даже управлял в середине XIII в. Флорентийской республикой. В 1529 г. его потомок Франческо Буонапарте переселился на Корсику, которая тогда уже почти 200 лет находилась под

⁴⁸ Кирхейзен Ф. Наполеон I. Его жизнь и его время. М., 1997. С. 42.

⁴⁹ Подробно об этом см. в кн. австрийского журналиста Фреда Вандера «Корсика еще не открыта» (М., 1961. С. 65–66).

⁵⁰ Стендаль. Собр. соч. М.; Л., 1950. Т. 14. С. 182.

⁵¹ Кастело А. Бонапарт. М., 2004. С. 11; Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 42.

⁵² См.: Тюлар Ж. Наполеон, или миф о «Спасителе». М., 1996. С. 36.

владычеством Генуэзской республики. С тех пор Буонапарты жили в Аяччо, но еще в течение 200 лет ничем себя особо не проявляли⁵³.

Карло Мария Буонапарте родился в Аяччо 27 марта 1746 г. Вот он, не в пример своим предкам, смог выдвинуться быстро и ярко⁵⁴. Рано потеряв отца, Карло благодаря заботам своего дяди, архидиакона при соборе в Аяччо Люциана Буонапарте, получил отличное образование. Он изучал юридические науки в Риме и Пизе, получил от Пизанского университета ученую степень доктора прав и стал преуспевающим адвокатом. Его отличали глубокий ум и широкая эрудиция, поэтичность натуры (ценил поэзию и сам писал стихи), подчеркнутая интеллигентность, элегантность манер, приобретенная в Италии и для Корсики просто редкостная, безупречное знание не только итальянского, но и французского языков. Вольнодумец и острослов, поклонник Вольтера, вина и женщин, он был патриотом Корсики, но страдал от ее средневековых предрассудков и «ненавидел иезуитов»⁵⁵. Импонировала окружающим (особенно женщинам) и его симпатичная внешность: «высокого роста, стройный, с приятным выразительным лицом, форму и глаза которого унаследовал от него Наполеон»⁵⁶.

После того как по договору от 15 мая 1768 г. Генуэзская республика *продала* Корсику Франции, Карло Буонапарте, не отказываясь от адвокатской практики, активно включился в политику. Заручившись поддержкой французского губернатора Корсики генерала графа Рене де Марбёфа, который, как мы увидим, сыграет очень важную роль в судьбах всей семьи Наполеона, Карло в 1771 г. стал депутатом от Аяччо при королевском дворе, а в 1772 г. был назначен членом Совета 12 именитых корсиканских дворян. С 1772 г. он уже именовал себя вальяжно: Карло *де* Буонапарте, а земляки стали называть его «Буонапарте Великолепный».

Тем временем предприимчивый адвокат и политик заботливо устраивал и свою личную жизнь. 2 июня 1764 г. 18-летний Карло Буонапарте женился на Летиции Рамолино, которой не исполнилось тогда 14 лет и которая родит ему, кроме Наполеона, еще 12 детей.

Американский историк В. Слоон, посчитавший Летицию крестьянкой⁵⁷, безусловно, ошибался. Самые надежные источники согласно свидетельствуют, что она, как и ее муж, принадлежала к дворянскому, хоть и захудалому, но древнему роду, возможно, от владетельных князей Ломбардии⁵⁸. Родилась она 24 августа 1750 г. Ее отец командовал гарнизоном Аяччо, а потом был Генеральным инспектором путей сообщения всей Корсики. Летиция потеряла его в раннем детстве. Ее мать в 1757 г. вторым браком вышла за капитана швейцарского полка на генуэзской службе Франсуа Феша. От этого брака 3 января 1763 г. родился Жозеф Феш – будущий кардинал. Поскольку мать Летиции и ее второй муж вскоре умерли, Летиция навсегда стала для своего сводного брата второй матерью.

Судя по описаниям современников и учитывая единственный сохранившийся ее портрет в молодости⁵⁹, можно поверить восторженным отзывам о Летиции Буонапарте как о «самой обворожительной девушке на всей Корсике». Ее называли «чудом красоты», сравнивали с мадоннами Рафаэля. Наполеон так говорил о ней: «Прекрасна, как сама любовь». Подробно описал ее внешность Фридрих Кирхейзен: «Она была среднего роста, с изумительно пропорциональными формами тела, юная грация которого гармонировала со всей обаятельной внеш-

⁵³ См.: Пчелов Е. В. Генеалогия дома Бонапартов // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. М., 1995. С. 74–84.

⁵⁴ Подробно о нем см.: Chuquet A. La jeunesse de Napoléon. P., 1897. Т. 1. P. 51–56; Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 24–26; Кастело А. Указ. соч. С. 8–10.

⁵⁵ Трачевский А. С. Наполеон I. Первые шаги и Консульство (1769–1804). М., 1907. С. 7.

⁵⁶ Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 24.

⁵⁷ Слоон В. Новое жизнеописание Наполеона I. Историческое соч. в 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 27.

⁵⁸ См.: Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 29; Кастело А. Указ. соч. С. 9; лов Е. В. Указ. соч. С. 75; Мережковский Д. С. Наполеон. М., 1993. С. 110.

⁵⁹ В кн.: Lacour-Gayet G. Napoléon: sa vie, son oeuvre, son temps. P., 1921. P. 283.

ностью. Руки, ноги ее были изящны и нежны: это передалось по наследству и Наполеону. Рот, может быть, с несколько серьезным выражением, но чрезвычайно красиво очерченный, скрывал два ряда жемчужных зубов. Когда по губам ее пробежала улыбка, она была очаровательна. Несколько выдававшийся подбородок указывал на энергию – совсем как у сына. Роскошные каштановые косы украшали классическую голову, которой темные глаза с длинными ресницами и тонким носом придавали аристократическое выражение. Все черты ее лица и все формы тела находились в поразительной гармонии. Не удивительно поэтому, что молодой Карло Бонапарт воспылал к ней сразу любовью»⁶⁰.

Очаровательно нежная внешне, Летиция отличалась уникальной для женщины силой характера. «Мать Наполеона, – писал о ней Стендаль, – была женщина, подобная героиням Плутарха, подобная Порциям, Корнелиям, подобная г-же Ролан»⁶¹. Но еще более по всему своему складу – непоколебимому, суровому и страстному – она напоминала героинь итальянского средневековья»⁶². Не доставало ей только образования: она знала лишь самые начала грамоты, чтения, письма и арифметики, а французским языком прилично так и не овладела, грубо и смешно коверкала его на итальянский лад.

Поскольку брак Летиции с Карло Буонапарте был слишком ранним физиологически, первые трое их детей (сын и две дочери) рождались очень слабыми и умирали в младенчестве. Из следующих десяти выжили восемь. По общему мнению тех, кто знал Летицию (в первую очередь, конечно, детей), она была превосходной матерью – равно заботливой и строгой. Случалось, что Карло буквально заслонял собою детей от ее гнева. Но и заботилась она о детях с истинно корсиканской самоотверженностью. «Все низменные чувства в нас устранялись, – вспоминал Наполеон. – Она ненавидела их. Она допускала до детей только возвышенные. Она питала величайшее отвращение ко лжи, как вообще ко всему, что носило на себе хотя бы отпечаток низменного. Она умела наказывать и награждать». Все дети любили и почитали ее, как никого, до конца жизни. Наполеон признавал: «Ей обязан я всем моим счастьем, всем, что сделал доброго. Я убежден, что все добро и зло в человеке зависит от матери»⁶³. И в предсмертном заточении на острове Святой Елены он вздыхал о ней: «Ах, мама Летиция, мама Летиция!»⁶⁴

Итак, из 13 детей Карло и Летиции Буонапарте выжили и выросли восемь⁶⁵. Старшим из них был Жозеф (Иосиф) – будущий король, сначала Неаполитанский, а затем Испанский. Он родился 7 января 1768 г. и всегда оставался самым близким к Наполеону из всех четырех его братьев, даже внешне самым похожим на него. Лаура Пермон, ставшая герцогиней д'Абрантес, друг всей семьи Наполеона, вспоминала: «лицо Иосифа прелестно», он «честен, добродетелен», «самый превосходный человек, какого только можно встретить»⁶⁶. Однако в противоположность Наполеону Жозеф никогда не имел ни должной силы духа, ни выдающегося интеллекта.

Через год после Жозефа родился Наполеон, а затем, спустя шесть лет (после того как еще двое новорожденных не выжили), 21 марта 1775 г., появился на свет третий из братьев – Люсьен. Вальтер Скотт считал, что он «едва ли уступал Наполеону в честости и талан-

⁶⁰ Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 30.

⁶¹ Порция (жена Марка Юния Брута – убийцы Юлия Цезаря) и Корнелия (дочь Сципиона Африканского и мать братьев Гая и Тиберия Гракхов) считались образцами античной римлянки. Ролан де Ла Платьер Манон Жанна (1754–1793) – выдающаяся деятельница Французской революции, жена министра внутренних дел Ж. М. Ролана, мемуаристка. Казнена якобинцами. Муж ее, узнав о гибели жены, покончил с собой.

⁶² Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 185. Подробно о Летиции Буонапарте см.: Larrey F.-H. Madame Mère (Napoleonis Mater). P., 1892.

⁶³ O'Meara В. E. Napoléon in exile. P., 1897. Т. 2. P. 184.

⁶⁴ Antommarchi F. Les derniers moments de Napoléon (1819–1821). P., 1898. Т. 1. P. 269.

⁶⁵ Подробно см.: Сьюард Д. Семья Наполеона. Смоленск, 1995 (с прил.).

⁶⁶ Д'Абрантес Л. Записки герцогини Абрантес или исторические воспоминания... М., 1837. Т. 2. С. 149, 150.

тах»⁶⁷. В честолюбии – возможно, но, конечно же, не в талантах. Тем не менее из всех братьев Наполеона Люсьен был самым талантливым⁶⁸. Он серьезно помог Наполеону в критических ситуациях 18 брюмера 1799 г. и «Ста дней» 1815 г., но между этими двумя датами почти все время, единственный из братьев, был с ним в разрыве на личной почве. Дело в том, что осенью 1803 г. Люсьен женился на Александрине Блешам, вдове обанкротившегося и бежавшего из Франции спекулянта Жубертонна. Наполеон не признал этот брак, а Люсьен не захотел оставить Александрину, от которой нажил 10 детей. В результате он один из всех братьев и сестер не получил от Наполеона никакого титула.

После рождения Люсьена Летиция Буонапарте рожала остальных пятерых детей через каждые два года, а то и через год. Из сыновей четвертым ее ребенком стал Людовик (Луи) – будущий король Голландии и отец императора Франции Наполеона III. Он родился 2 сентября 1778 г. и, по воспоминаниям герцогини Л. д'Абрантес, отличался «приятным лицом», «добротой и тихостью»⁶⁹, но рано стал калекой вследствие венерического заболевания и шокировал этим весь клан Бонапартов. Пятый сын Летиции (стало быть, четвертый брат Наполеона), самый младший член семьи Буонапарте Жером (тоже в будущем король – Вестфальский) родился 9 ноября 1784 г. По свидетельству герцогини д'Абрантес, сам Наполеон говорил о нем: «...дитя без всяких способностей»⁷⁰. Впрочем, император и в зрелые годы досадовал, что ни у кого из его родных нет «никаких талантов»⁷¹, но здесь он был излишне строг, мерил их по себе. Великий И. В. Гете, который знал всех братьев Наполеона, полагал, что Люсьен, Жозеф и Людовик – «все люди незаурядных способностей, дельные, энергичные и к тому же не лишены поэтического дара»; только Жером, «по-видимому, уже несколько обделен врожденными талантами»⁷².

Из дочерей Карло и Летиции Буонапарте старшая, Элиза (при крещении Мария-Анна), будущая княгиня Лукки и великая герцогиня Тосканская, родилась 3 января 1777 г. В отличие от своих сестер, она не блистала красотой, но превосходила их умом и неприятно удивляла скорее мужским, чем женским характером. С 1797 г. Элиза была замужем за Феличе Баччиоки, герцогом Лукки, которого держала в страхе до конца ее жизни.

Младшая по возрасту из трех сестер Наполеона Каролина (при крещении Мария Аннунциата), которая станет великой герцогиней Бергской, а затем королевой Неаполитанской, родилась 25 марта 1782 г. Она отличалась красотой, умом, честолюбием и коварством⁷³. Ш. М. Талейран обрисовал ее как личность такими словами: «Голова Макиавелли на торсе Венеры». Из всех сестер Наполеона именно у Каролины был самый удачный и яркий брачный союз – с легендарным маршалом Франции и королем Неаполя Иоахимом Мюратом. Кстати, она, умея интриговать и дерзать, добиваясь таким образом многого, руководила не только своим мужем-королем, но и его королевством.

Зато средняя из сестер, любимица Наполеона Полина (при крещении Мария Паола) или Паолетта, как ласково звали ее в семье, будущая принцесса Гвастальская, не имела нужды в интригах, поскольку добивалась своего почти сказочной красотой, которая окружающих восхищала, а мужчин сводила с ума⁷⁴. Очень разные люди из ее современников судили о ней одинаково: «самая замечательная красавица своего времени» (Стендаль); «самая очарователь-

⁶⁷ Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов. М., 1995. Т. 1. С. 8.

⁶⁸ Подробно о нем см.: Pietri F. Lucien Bonaparte. P., 1930.

⁶⁹ Д'Абрантес Л. Указ. соч. Т. 2. С. 263.

⁷⁰ Там же. Т. 10. С. 253, 362.

⁷¹ Коленкур А. Мемуары. М., 1943. С. 57.

⁷² Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1986. С. 389.

⁷³ Подробно о ней см.: Нечаев С. Ю. Каролина Бонапарт. М., 2005.

⁷⁴ См. о ней: Fleuriot de Langle P. La Paolina, soeur de Napoléon. P., 1944.

ная особа, какую мне приходилось видеть в жизни» (статс-дама императрицы Жозефины К. Ремюза); «совершенство прекрасного» (герцогиня Л. д'Абрантес); «идеал красоты» (камердинер Наполеона Л.-Ж. Маршан)⁷⁵ и т. д. Среди ее поклонников, связанных с нею «узами любви», были такие знаменитости, как лучший актер Франции Франсуа-Жозеф Тальма, первый скульптор Европы Антонио Канова, величайший скрипач мира Никколо Паганини⁷⁶. Изваянный Кановой в 1807 г. скульптурный портрет 27-летней Полины à la Венера, хранящийся ныне в римской галерее Боргезе, – шедевр мирового искусства. Известный российский историк, один из лучших биографов Наполеона А. С. Трачевский сказал о нем в 1907 г.: «В бюст Паолетты влюбляются и 100 лет спустя»⁷⁷. Не зря классик французской поэзии середины XIX в. Теофиль Готье, обращаясь к своей музе Аполлонии Сабатье в стихотворении 1850 г. «О розовом платье», восклицал:

*И пред Кановой смело ты
Откроешь, словно та принцесса,
Сокровищницу красоты!*⁷⁸

Наполеона всегда раздражало обилие поклонников вокруг Полины. Поэтому он рано занялся благоустройством ее замужества. Сначала, еще в 1795 г., он отказал в сватовстве к ней своему другу Андошу Жюно (будущему герцогу д'Абрантес, а в то время младшему офицеру), который был влюблен в Полину «как сумасшедший». «У тебя пока нет ничего и у нее – ничего, – рассудил тогда будущий император. – В сумме – ничего. Подождем лучших времен»⁷⁹. Но как только наступили «лучшие времена», уже в 1797 г. Наполеон выдал Полину не за Жюно, а за нового своего друга генерала Виктора Эммануэля Леклерка, а после его гибели в 1802 г. – за итальянского принца Камилла Боргезе. Этот принц считался чуть ли не первым красавцем, а главное, первым богачом в Италии, но в смысле интеллекта представлял собой «совершенную ничтожность»⁸⁰.

Таковы были четыре брата и три сестры Наполеона. Теперь можно подсчитать, что мама Летиция родила одного императора, трех королей, одну королеву и двух принцесс (герцогинь).

Здесь уместно сказать и об экзотических родственных связях семьи Наполеона. Жером Бонапарт в 1807 г. женился на принцессе Екатерине Вюртембергской, дочери короля Фридриха I – брата российской императрицы Марии Федоровны (жены императора Павла I и матери еще двух российских императоров – Александра I и Николая I), сын которого Фридрих Вильгельм Карл, ставший королем после смерти отца, женился на сестре Александра I Екатерине Павловне. Далее, старшая дочь пасынка Наполеона Евгения Богарне (о нем речь впереди) Жозефина выйдет замуж за наследника престола и будущего короля Швеции Оскара I, а младший сын Наполеон женится на дочери императора Николая I великой княжне Марии Николаевне, став членом царской фамилии в России. Наконец, самое экзотическое: внук Иоахима Мюрата и Каролины Бонапарт Ашиль (Ахилл) Мюрат женится на дочери грузинской княжны Екатерины Чавчавадзе (родной сестры Нино Чавчавадзе – жены Александра Сергеевича Грибоедова) и окажется, таким образом в близком родстве с великим русским писателем.

⁷⁵ Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 189; Д'Абрантес Л. Указ. соч. Т. 2. С. 163; Ремюза К. Мемуары. М., 1915. Т. 1. С. 128; Маршан Л.-Ж. Мемуары. М., 2003. С. 30.

⁷⁶ См.: Дейч А. И. Ф.-Ж. Тальма. М., 1934. С. 199–202; за М. Паганини. М., 1981. С. 38–47.

⁷⁷ Трачевский А. С. Указ. соч. С. 112.

⁷⁸ Готье Т. Эмали и камни. М., 1989. С. 105.

⁷⁹ Д'Абрантес Л. Указ. соч. Т. 1. С. 272, 274.

⁸⁰ Там же. Т. 7. С. 224.

2. Детство

Итак, дата рождения Наполеона – 15 августа 1769 г. Место рождения – город Аяччо на острове Корсика...

Острова в жизни Наполеона обрели почти мистическую значимость. Он родился на острове в центре Европы и умер тоже на острове (Святой Елены) за тридцать семь лет от места рождения, а, кроме того, в 1814–1815 гг. отбывал ссылку на еще одном острове – Эльба, по соседству с Корсикой. С холмов Эльбы он мог видеть горные вершины Корсики. Камердинер Наполеона Л.-Ж. Маршан вспоминал, как император в бытность свою на острове Эльба «сидел часами на скале Аффачьяттой, устремив взгляд на остров, где он родился»⁸¹. Разумеется, его отношение к тем островам было очень разным: Святую Елену он воспринимал как свою Голгофу, Эльбу – как временное, зловещее, но не без удобств обиталище, а Корсику любил всю жизнь – как родину, отчий край.

К этому надо добавить, что первая любовь Наполеона – его жена Жозефина – тоже была родом с острова (Мартиника), а главный враг его и всей Франции Англия – островная держава.

Любовь к родине Наполеон сохранил навсегда. Он даже так выразился, вспоминая Корсику: «Все здесь лучше, чем где бы то ни было». При этом он объективно судил о корсиканцах как о людях незаурядных, которые могут быть и вашими лучшими друзьями, и самыми заклятыми врагами. «Главная национальная черта корсиканца, – говорил он на острове Святой Елены своему врачу Барри О'Мира, – заключается в том, что он никогда не забывает сделанное ему добро или нанесенную ему обиду. На Корсике за нанесенное малейшее оскорбление следует удар кинжалом. Соответственно, убийство там является обычным делом. В то же время нет более благородного народа, чем корсиканцы. Корсиканец без колебания пожертвует своей жизнью за человека, которому он обязан за сделанное ему доброе дело»⁸².

Можно не сомневаться, что Наполеон еще в ранней юности читал знаменитый трактат Жан-Жака Руссо «Об общественном договоре», которым он тогда увлекался, и запомнил сказанное этим великим французом о Корсике: «У меня есть смутное предчувствие, что когда-нибудь этот островок еще удивит Европу»⁸³.

По рассказам мамы Летиции, Наполеон родился маленьким и слабым ребенком, но с большой головой. О своем явлении миру он возвестил на редкость пронзительным криком, который долго не умолкал, пока будущего императора не укачали в колыбельке. Назвали новорожденного Наполеоне или по-корсикански Набулионе – именем мученика, который погиб в Александрии при Диоклетиане, но почему-то довольно распространенным на Корсике, причем в разных вариациях. Так, «кроме общих форм – Наполеон и Набулионе – есть еще: Напулеон, Наполеонус, Напулеонус, Непулеонус, Неаполеон, Неаполеонус, Неаполео, Неапулео и Неаполоннус»⁸⁴.

По сведениям, которыми располагал Вальтер Скотт, имя свое Наполеон получил в честь «святого, не слишком известного и даже исключенного из церковного календаря, так что Бонапарт даже не знал потом, в какой же день ему следует праздновать именины»⁸⁵. А свою фамилию Наполеон будет писать на итальянский лад (Буонапарте) до 1796 г., т. е. до начала прославившей его на весь мир Итальянской кампании.

⁸¹ Маршан Л.-Ж. Указ. соч. С. 121.

⁸² О'Мира Б. Наполеон. Голос с острова Святой Елены. Мемуары. М., 2004. С. 337.

⁸³ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 188.

⁸⁴ Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 42. См. также: Кронин В. Наполеон. М., 2008. С. 15.

⁸⁵ Скотт В. Указ. соч. Т. 1. С. 9.

Поначалу маленький Наполеон ничем не отличался от обычных детей. Мама Летиция вспоминала, что до двух лет он был спокойным и тихим ребенком, но затем с каждым годом стал все заметнее проявлять свой необузданный темперамент, упрямство, настойчивость, непослушание. Сестер, правда, он никогда не обижал, но братьев буквально терроризировал. «Я был сварлив и драчлив, не боялся никого, – вспоминал он о своем раннем детстве. – Одного я бил, другого царапал, и все боялись меня. Особенно же страдал от меня мой брат Жозеф. Я колотил и кусал его. И его же потом за это ругали, потому что, пока он оправлялся от страха, я уже шел пожаловаться на него матери. Моя хитрость была очень кстати: мать не терпела драк»⁸⁶.

Только такая мать, как Летиция, могла обуздать столь задиристого и буйного малыша, которого, кстати, сызмальства прозвали и в семье, и на улице «Рабульоне», т. е. «Разбойником». Сам Наполеон рассказывал, как однажды Летиция не взяла его с собой в гости, и он все-таки пошел за ней, крадучись, по горной тропе; она обернулась, увидела его, подбежала и врезала такую пощечину, что он упал и покатился вниз. Пока «Рабульоне» поднимался, плача и вытирая глаза кулаками, мама Летиция смотрела на него, а потом быстро, не оглядываясь, пошла дальше одна⁸⁷. Эту сцену Наполеон запомнил на всю жизнь – с благодарностью к матери за ее жесткую, но справедливую строгость.

Даже в детских забавах и играх Наполеон не был похож на братьев и сестер. У них была общая, просторная детская комната. Но, если Жозеф и Люсьен играли в прятки и догонялки, Наполеон предпочитал солдатские игрища: «опоясавшись деревянной саблей, с бумажным шлемом на голове, он поднимал адский барабанный бой»⁸⁸, на который в детскую сбегались взрослые (мать, отец, бабушка, няня), чтобы утихомирить развоевавшегося «Рабульоне».

Маму Летицию беспокоил «разбойничий» характер сына, и она, чтобы хоть как-то его смягчить, в 1774 г. отдала пятилетнего Наполеона в школу для девочек при пансионе сестер-монахинь в Аяччо. Он оказался там единственным мальчиком, понравился хозяйкам пансиона, а сам позднее, когда ему было семь лет, влюбился в одну из воспитанниц монахинь, свою сверстницу по имени Джакоминетта. Он даже мог вечерами солидно, по-взрослому, гулять с нею под руку в городском саду, вызывая смех и у взрослых гуляк, и у сверстников. Эту свою первую «любовь» Наполеон помнил всю жизнь.

После двух лет пребывания (не столько обучения, сколько воспитания) в пансионе у сестер-монахинь, которые сумели несколько сгладить особенно резкие черты характера и манеры поведения Наполеона, он был отдан в иезуитскую школу. Здесь его уже не столько воспитывали, сколько учили. Только теперь он постиг азы грамотного чтения и письма (на итальянском языке), а также математики. Учителем его в этой школе был аббат Рекко. Ему Наполеон останется благодарным до конца своих дней, а в предсмертном завещании на острове Святой Елены напишет: «Двадцать тысяч франков – аббату Рекко, учителю из Аяччо, который научил меня читать; в случае его смерти – ближайшему его родственнику»⁸⁹.

С первых дней учебы Наполеона больше всего увлекала и легче всего давалась математика. В семье даже прозвали его, 8-летнего, «Математиком» – так легко, с удивительной для его возраста сообразительностью и быстротой решал он математические задачи. Винсент Кронин описал такой эпизод из детских лет Наполеона: «Он решал примеры на сложение из удовольствия. Однажды, когда ему было 8 лет, он поехал с местными крестьянами на осмотр мельницы. Узнав от крестьянина, сколько зерна мелет мельница в час, он рассчитал количество

⁸⁶ Цит. по: Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 43–44.

⁸⁷ См.: Chuquet A. Op. cit. Т. 1. P. 50.

⁸⁸ Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 43.

⁸⁹ Цит. по: Кастело А. Указ. соч. С. 14.

зерна в день и в неделю. Он также подсчитал количество воды, которое необходимо для того, чтобы крутить жернова».

Увидев и оценив это его увлечение, мама Летиция распорядилась построить специально для него на территории своего дома уютную будку, в которой он часто и подолгу уединялся со своей математикой. С малых лет он стал проявлять интерес и к истории, к литературе, а вот в религиозных науках ни тогда, ни позднее так и не преуспел. Вообще все два года учебы в иезуитской школе будущий император по успеваемости, кроме математики, шел вперед кое-как и лишь к окончанию школы выправил свои оценки. Летиция так вспоминала об этом: «В начале учебы из всех моих детей он меньше всего подавал надежды; его первых успехов пришлось дожидаться довольно долго. Когда, наконец, он получил хороший аттестат, то с большим волнением принес его мне; показав бумагу, он положил ее на стул и сел на него с гордым видом триумфатора»⁹⁰.

Достаток в семье Карло и Летиции Буонапарте, несмотря на постоянное прибавление в количестве детей, до конца 1770-х годов всегда был приличным. Его обеспечивал годовой доход с трех домов, виноградников, земельных угодий и производства оливкового масла. Кроме того, супруги Буонапарте владели мельницей. Казалось бы, им жить-поживать да добра наживать. Но Карло был и гулякой, и, что еще хуже, картежником и время от времени швырял на ветер огромные суммы денег. Летиция, как ни старалась, не могла вразумить ветреного, хотя, в общем, заботливого супруга. Она и детей к нему подсылала с уговорами и мольбами. Был случай, когда Наполеон по просьбе матери пришел к отцу в таверну, где тот проигрывал все, что имел с собой, и там ребенок уговаривал родителя остановиться⁹¹.

При всем беспутстве своего характера «папа Карло» любил жену и детей и многое сделал для того, чтобы обеспечить их благополучие, используя при этом все свои связи. Летиция согласилась с его решением подготовить Жозефа к поприщу священнослужителя, а Наполеона – к военной службе. Правда, выяснилось, что для такой подготовки у супругов Буонапарте не хватает ни связей, ни средств. Но тут в роли их спасителя и долговременного попечителя выступил граф Рене де Марбёф.

Выходец из знатного дворянского рода, сын председателя парламента Бретани и родной брат епископа Отенского, генерал при двух королях – Людовике XV и Людовике XVI, Марбёф с 1764 г. командовал экспедиционным корпусом Франции на Корсике, а с 1770 г. и до своей смерти в 1786 г. был там губернатором. Он так благоволил семейству Буонапарте и так близко общался с ним (крестил всех детей папы Карло и мамы Летиции), что родилась и получила распространение версия о любовной связи Марбёфа с Летицией, которая, кстати, была на 38 лет моложе его. В наши дни эту версию поддерживает президент Международного Наполеоновского общества канадский историк Бен Вейдер. Он убежден в том, что именно Марбёф был отцом Наполеона, а также другого сына Летиции – Людовика⁹². Однако другие биографы Наполеона из числа самых авторитетных (Ф. Кирхейзен, А. Кастело, В. Кронин, В. Скотт, Д. Сьюард) отвергают такое предположение, ссылаясь главным образом на безупречную репутацию Летиции в глазах всех, кто ее знал, не исключая дотошных в своем любопытстве соседей. «Она была слишком хозяйкой и матерью, чтобы стать чьей-то любовницей», – подчеркивал Кирхейзен⁹³. Сьюард добавляет к этому, что неизменная верность Летиции супругу «подтверждается ее твердым отказом вторично выйти замуж, когда она осталась молодой и довольно привлекательной вдовой»⁹⁴.

⁹⁰ Там же. С. 14–15.

⁹¹ См.: Сьюард Д. Указ. соч. С. 25.

⁹² См.: Вейдер Б. Наполеон. Триумф, трагедия, убийство. М., 2005. С. 26–35.

⁹³ Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 33.

⁹⁴ Сьюард Д. Указ. соч. С. 26. См. также: Кастело А. Указ. соч. С. 10–11; Скотт В. Указ. соч. Т. 1. С. 10; Кронин В. Указ. соч. С. 24. Ж. Тюлар, Е. В. Тарле, А. З. Манфред, Э. Людвиг, Д. С. Мережковский вообще не упоминали об этой версии.

Тем не менее граф де Марбёф действительно очень помог всем детям Летиции (и своим крестникам!), о чем речь пойдет в следующем параграфе. Что же касается соседей папы Карло и мамы Летиции, то из них наиболее интересны две семьи. Луиза Мари Пермон (урожденная Комнин, из рода византийских императоров Комнинов) была близкой подругой Летиции, «носила маленького Наполеона на своих руках, качала его в колыбели»⁹⁵, а позднее, в годы его военной учебы, как мы увидим, покровительствовала ему в Париже. Ее дочь Лаура станет женой Андоша Жюно, герцога д'Абрантес, и другом Оноре Бальзака, который будет помогать ей в работе над ее 16-томными мемуарами и положит ее рассказы в основу своего романа «Темное дело»⁹⁶.

Совсем по-иному сложились у семьи Буонапарте отношения с другими соседями из Аяччо, а именно с семейством Поццо ди Борго. Муж кухни Карло Буонапарте с несколько странным для мужчины именем *Мария* Поццо ди Борго с многолюдьем чад и домочадцев жил в одном доме с Буонапартами, этажом выше. Однажды кто-то из женщин этого многолюдья то ли намеренно, то ли случайно вылил из окна прямо на голову папе Карло содержимое ночного горшка. Возник не просто скандал. Родилась вендетта (кровная месть). Семьи Буонапарте и Поццо ди Борго из-за этого скандала вступили в смертельную вражду, втянувшую в себя два поколения обеих семей⁹⁷. Сын Марии Поццо ди Борго Карло Андреа в 1803 г. из ненависти к Буонапартам устроился на службу в Россию и уже как *российский* дипломат будет рьяно участвовать в сколачивании пяти (с 3-й по 7-ю) антинаполеоновских коалиций...

Впервые Наполеон уедет с Корсики в декабре 1778 г. – на учебу во Францию. Ему тогда шел десятый год. Еще дважды он будет возвращаться на родину по разным (мы их увидим) причинам и навсегда сохранит добрые чувства к родному острову, о чем свидетельствуют его беседы с личным секретарем Эммануэлем Лас Казом и с доктором Барри О'Мира на острове Святой Елены⁹⁸. Вальтер Скотт, безусловно, ошибался (если не намеренно измышлял), утверждая, что Наполеон «не высказывал даже тени расположения к покинутой им навсегда родине»⁹⁹. Но недоброжелатели и враги императора всячески обыгрывали тот факт, что он был корсиканец, а не настоящий француз. Тот же Скотт не без злорадства отметил: «Французов часто упрекали в том, что они избрали себе властелина из тех мест, откуда древние римляне неохотно брали даже рабов»¹⁰⁰.

⁹⁵ Д'Абрантес Л. Указ. соч. Т. 1. С. 10–11.

⁹⁶ См.: О. Бальзак в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 492, 526.

⁹⁷ Подробно см.: Mc Erlean J. Napoléon et Pozzo di Borgo. 1764–1821. P., 2007; Танышина Н. П. Карл Осипович Поццо ди Борго // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 67–85.

⁹⁸ См.: Las Cases E. Le memorial de Sainte-Hélène. P., 1894. Т. 2. P. 360; О'Мира Б. Указ. соч. С. 337, 339.

⁹⁹ Скотт В. Указ. соч. Т. 1. С. 16.

¹⁰⁰ Там же.

3. Военное обучение

Граф Р. де Марбёф обещал супругам Буонапарте устроить их старших сыновей в учебные заведения Франции на казенные средства и сдержал свое обещание. Жозефу он исхлопотал королевскую стипендию для обучения в колледже города Отена, где самым влиятельным лицом был местный епископ Александр Марбёф, родной брат графа Марбёфа, а для Наполеона добился вакансии в одном из королевских военных училищ.

Такая вакансия была гарантированно обещана самим военным министром, но при условии, что Наполеон будет говорить по-французски, а между тем будущий император Франции не знал тогда ни одного слова на этом языке. Поэтому Марбёф (крайне удивленный тем, что папа Карло, свободно владевший французским, не научил тому же своих сыновей) рекомендовал отправить Наполеона вместе с Жозефом сначала в Отенский колледж, где два брата прежде всего научились бы французскому языку.

Тем временем Карло Буонапарте был избран депутатом от корсиканской знати для участия в сессии Генеральных штатов. Так назывался высший орган сословного представительства во Франции. Как депутат, он должен был выехать в Версаль (очень кстати для него за казенный счет). Карло решил взять с собой обоих сыновей и 15 декабря 1778 г. выехал с Корсики к берегам Франции. Погостив в Марселе у дальних родственников, он с двумя детьми прибыл 30 декабря в Отен.

Отенский колледж в то время представлял собой учебное заведение подготовительного типа, где детей младшего возраста готовили к дальнейшему образованию. С первых же дней пребывания в Отене Наполеон стал конфликтовать, вплоть до яростных драк, с другими учениками колледжа. Его корсиканское имя, итальянский акцент, диковатые, как у истинного островитянина, манеры вызывали насмешки, а он этого терпеть не мог.

Сохранился колоритный портрет девятилетнего Наполеона в письме одного из отенских учителей аббата Шардона: «Наполеон был в первое время своего пребывания в Отене ворчлив и меланхоличен. Он не играл ни с одним из своих сверстников и обычно гулял на дворе совершенно один. У него было много способностей, он легко все воспринимал и легко учился. Когда я давал ему уроки, он глядел на меня своими большими глазами, широко раскрыв рот; когда же я повторял ему только что сказанное, он не слушал. А когда я делал ему за это замечание, он отвечал холодно, почти повелительным тоном: “Я все это уже знаю”».

Здесь же аббат Шардон рассказывает своему адресату о таком случае. Несколько учеников стали дразнить Наполеона покорением Корсики и посмеиваться, мол, корсиканцы – трусы. «Вначале Наполеон слушал их спокойно, но затем, когда воцарилось молчание, сжал кулаки и закричал: “Если бы против одного было бы хотя четыре, вы бы Корсики никогда не взяли! Но вас ведь было против одного десять!”»¹⁰¹.

Подготовительный курс обучения в Отене Наполеон освоил быстро, меньше чем за три с половиной месяца. Этого для него оказалось достаточно, чтобы научиться говорить и писать по-французски не хуже тех, кто высмеивал его, как итальянца и корсиканца. Теперь ему предстоял не очень дальний переезд из Отена на север, в город Бриенн (примерно на полпути между Отеном и Парижем), чтобы там поступить в королевское военное училище для детей из привилегированных сословий.

В этом училище граф Марбёф обеспечил вакантное место для Наполеона, но папе Карло пришлось еще исполнить, не без унижений перед королевскими чиновниками, много формальностей. Главными из них были письменные свидетельства, с одной стороны, *знатности* происхождения семьи Буонапарте, а с другой – ее *бедности*, из-за которой глава семьи не в

¹⁰¹ Цит. по: Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 48–49.

состоянии воспитывать своих сыновей на собственные средства. Мало того, потребовались доказательства лояльности корсиканской семьи французским властям и даже ее родовой герб. При поддержке Марбёфа папа Карло все засвидетельствовал и представил, 10 марта 1779 г. он получил аудиенцию у короля Франции Людовика XVI и отправился в Бриенн встречать сына. Наполеон приехал туда из Отена позднее, в сопровождении некоего аббата д'Оберив, которого специально командировал для этого епископ Марбёф.

В Отене Наполеон надолго расстался со своим старшим и любимым братом Жозефом, которому предстояло еще пять лет учиться в духовной семинарии Отена. Прощание их было трогательным. Жозеф буквально заливался горькими слезами, тогда как Наполеон едва уронил одну единственную слезу. Но вот, что скажет потом Жозефу наставник Отенского колледжа аббат Симон: «В его единственной слезе было гораздо больше печали, чем во всех ваших рыданиях»¹⁰².

В Бриенне папа Карло представил сына начальнику училища и проследил за тем, как Наполеон сдает вступительный экзамен по французскому языку. Все обошлось как нельзя лучше, и 15 мая 1779 г. королевский стипендиат Наполеон де Буонапарте был принят в младший класс Бриеннского военного училища.

Военным это училище стало только в 1776 г. Ранее, с 1730 г., оно было духовным, а до тех пор представляло собой вовсе даже не училище, а монастырь ордена Францисканцев. «Кажется несколько странным, – удивлялся Ф. Кирхейзен, – что воспитание молодых офицеров было вручено монастырю»¹⁰³. Действительно, к 1779 г. большинство воспитателей в училище составляли монахи и даже начальником училища (не забудем: *военного!*) был монах патер Луи Бертон.

В училище было пять классов. Принимали туда не более 150 учеников в возрасте от 8 до 11 лет, из них около 60 – за счет казны, как королевских стипендиатов. Училищный режим походил на монастырский: никаких каникул, не разрешались ни посещения родственников, ни подарки от них (кроме одежды и учебных книг).

Преподавали в училище не только математику и географию, историю и литературу, но и Закон Божий, языки (латинский, немецкий, английский), рисование, фехтование, танцы и пение. Впрочем, педагоги-монахи не блистали ни методикой преподавания, ни должными познаниями. Вполне профессионален был, пожалуй, лишь один педагог Бриеннского училища – будущий генерал, полководец Французской революции и ее предатель, участник заговора против Наполеона как первого консула Франции Шарль Пишегрю. Он преподавал математику и, оценив математические способности Наполеона, уделял ему больше внимания, чем кому-либо из воспитанников, как репетитор. «Таким образом, Наполеон в течение целого года учился у того, кто впоследствии так упорно жаждал его крови»¹⁰⁴.

Кстати, и среди соучеников Наполеона в Бриенне оказались лица, сыгравшие позднее важную роль в его жизни: это его личный секретарь в годы консульства Луи Антуан Бурьенн (1769–1834), который будет уволен за мошенничество и потом станет мстительно чернить Наполеона в 10-томных мемуарах, и один из лучших генералов, первых кандидатов в маршалы Франции Цезарь-Шарль Этьен Гюден (1768–1812), которому доведется участвовать в нашествии Наполеона на Россию, где он и сложит голову в битве при Валутиной горе¹⁰⁵.

Что касается военного обучения, то в Бриенне юных дворян учили не столько *делу* военному, сколько *виду*: выправке, манерам, лоску. Поэтому Наполеон больше занимался самообразованием, шокируя товарищей корсиканской «простонародностью», а учителей столь же

¹⁰² Кастело А. Указ. соч. С. 21.

¹⁰³ Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 51.

¹⁰⁴ Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 52.

¹⁰⁵ См.: Chuquet A. Op. cit. Т. 1. P. 384–386.

кричащей дерзостью. Однажды он так резко парировал несправедливый упрек, что ошалевший учитель вскипел:

– Кто вы, сударь, чтобы так отвечать мне?!

– Человек! – гордо ответил Наполеон¹⁰⁶.

Не зря кто-то из учителей сказал тогда об этом «Человеке»: «Этот мальчик сделан из гранита, но внутри у него вулкан».

Кроме дерзости Наполеон удивлял и в конце концов расположил к себе учителей своими знаниями. Особенно силен он был теперь не только в математике («Как математик он был первым в Бриенне», вспоминал о нем Бурьенн), но и в истории – от Плутарха и Тацита до Г. Рейналя. «История великих полководцев древности, – вспоминал он о своих бриеннских занятиях, – возбуждала во мне желание соперничать с ними. Александр Македонский, Ганнибал и Цезарь стали моими любимыми героями». Впрочем, «бредил» он и Леонидами, Катонами и Брутами, «изумившими человеческий род»¹⁰⁷. Увлекался он и риторикой, географией¹⁰⁸, уже тогда запоем читал Цицерона, Макиавелли, Вольтера, Монтескье, Дидро, а с наибольшим интересом – своего любимого Жан-Жака Руссо, чуть не наизусть знал «Естественную историю» Ж. Бюффона. Сохранились его конспекты и выписки (опубликованные в свое время Ф. Массоном) из книг только что перечисленных авторов. Отставал он только в языках (латыни и немецком с английским) они будущему властелину Европы не давались.

А вот религия, которую усиленно (может быть, сверх меры) насаждали в Бриеннском училище педагоги-монахи, вызвала у подростка Наполеона отторжение. Сам он так вспоминал об этом на острове Святой Елены: «Однажды я слушал проповедь, и этот проповедник утверждал, что и Катон, и Цезарь будут в свое время преданы проклятию. Мне тогда было одиннадцать лет. Я был просто потрясен, изумлен. Как это так, самые добродетельные мужи античности будут гореть в вечном огне в аду только за то, что не воспринимали религию, которой не знали <...>. С этого момента для меня религия перестала существовать»¹⁰⁹.

К чести бриеннских педагогов-монахов, они много занимались физической подготовкой своих воспитанников. В училище соблюдался строгий режим дня: подъем – в шесть утра, отбой – в десять вечера. Ученики старательно – не только теоретически, но и практически, на строительных работах, – изучали фортификацию, с удовольствием посещали уроки фехтования и танцев. Наполеон, хотя и был или, точнее, казался физически слабым (малорослым и щуплым), не хуже других выдерживал любые нагрузки, а что касается фехтования, то здесь он был даже одним из лучших в училище. Кстати, и танцевать, по авторитетному мнению Ф. Кирхейзена, Наполеон еще в Бриенне «все-таки выучился и действительно танцевал, несмотря на все, что говорилось и писалось на этот счет»¹¹⁰.

Тем не менее и в Бриенне точно так же, как ранее в Отене, Наполеон среди товарищей по учебе был одинок. «Я жил отдельно от моих товарищей, – вспоминал он спустя много лет. – Выбрал себе уголок в ограде школы и уходил в него мечтать на воле, мечтать я всегда любил. Когда же товарищи хотели им завладеть, я защищал его изо всех сил. У меня уже был инстинкт, что воля моя должна подчинять себе волю других людей и что мне должно принадлежать то,

¹⁰⁶ Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 119.

¹⁰⁷ Chuquet A. Op. cit. T. 1. P. 129. Леонид (508–480 гг. до н. э.) – царь древней Спарты, героически погибший в битве при Фермопилах. Катон и Брут – здесь, вероятно, имеются в виду древнеримские республиканцы Марк Порций Катон Младший (95–46 гг. до н. э.) и Марк Юний Брут (85–42 гг. до н. э.), тоже младший из Брутов, – оба покончившие с собой.

¹⁰⁸ Поразительно, что в ученической тетради Наполеона по географии последняя запись гласит: «Sainte-Hélène, petite île» (Святая Елена, маленький остров). Марк Алданов так и назвал свой замечательный роман об изгнании и смерти Наполеона: «Святая Елена, маленький остров».

¹⁰⁹ Las Cases E. Op. cit. T. 3. P. 246.

¹¹⁰ Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 53.

что мне нравится. В школе меня не любили: нужно время заставить себя любить, а у меня, даже когда я ничего не делал, было смутное чувство, что мне нельзя терять времени»¹¹¹.

Наполеон уютно обустроил свой «уголок», даже насадил в нем деревья, за которыми любовно ухаживал, и все свободное время уединялся там с книгами и тетрадами, погружаясь в размышления о прошлом, настоящем и будущем. Один из его бриенских товарищей вспоминал: «Горе тем из нас, кто из любопытства или желания подразнить его осмеливался нарушать его покой! Он яростно выскакивал из своего убежища и выталкивал непрошенных гостей, сколько бы их ни было»¹¹².

«Этот первый завоеванный клочок земли, – заметил по этому поводу Д. С. Мережковский, – уже начало Наполеоновой империи всемирного владычества. Здесь он так же один, как потом на вершине величия и на Святой Елене»¹¹³.

Одиноким и нелюбимым, погруженным в себя, ранимым насмешками над его корсиканской «неполноценностью», Наполеон болезненно реагировал на любое наказание – даже из тех, которым подвергались за ту или иную провинность все без исключения ученики. Характерный пример из рассказа очевидцев приводил Андре Кастело, так его пересказавший:

«Однажды “командир казармы”, желая наказать Наполеона за какой-то проступок, приказал ему стоять за обедом на коленях у двери столовой. И вот у всех на глазах Наполеон входит в столовую. Он бледен, сосредоточен, насторожен, смотрит в одну точку.

– На колени, месье! – звучит приказ.

В это мгновение у него начался нервный припадок. Весь дрожа, он заорал:

– Я буду обедать, стоя, а не на коленях! У нас в семье на колени опускаются только перед Богом!

Дежурный, выходя за пределы дозволенного, хотел было заставить его опуститься на колени силой. Наполеон повалился на пол и, катаясь по нему, сквозь рыдания выкрикивал:

– Разве не так, мама? Только перед Богом! Перед Богом!

Лишь приход настоятеля положил конец этой сцене, и из рук палача выхватили плачущего кадета»¹¹⁴.

Поставить на колени такого кадета бриенские воспитатели не смогли, но отсидеть в камере ему довелось, причем это наказание он воспринял с меньшей нервозностью, ибо признавал свою вину. Дело в том, что один из его соучеников насмешливо заявил ему: «Твой отец – простой судебный слуга!» Наполеон сначала побледнел, потом помрачнел, молча вышел из комнаты и вернулся через минуту к своему собеседнику с письменным вызовом на дуэль. Этот вызов каким-то образом попал в руки инспектору, и тот наказал обоих «дуэлянтов»¹¹⁵.

Из немногих радостей, пережитых в Бриенне, навсегда запомнился Наполеону праздник по случаю дня рождения короля Людовика XVI. В тот день, 23 августа 1783 г., бриенские кадеты посетили великолепный замок с «королевскими апартаментами», где возвышалось роскошное ложе, приготовленное для монарха на случай, если он вдруг подумает, а не поехать ли ему в Бриенн и не провести ли там хоть одну ночь. Король, до того как 23 января 1793 г. он был казнен якобинцами, воспользоваться бриенским ложем не успел, но герцог Орлеанский (двоюродный брат короля), прежде чем его те же якобинцы казнили 6 ноября 1793 г., побывал в Бриенне и спал на том ложе. А в 1805 г. окажет честь этому ложу император Наполеон, когда будет проезжать через Бриенн в Рим на вторую (после Парижа) из своих коронаций. Можно представить себе, с каким чувством повелитель Европы теперь запросто пользовался тем, на

¹¹¹ Remusat С.-Е. Mémoires. P., 1893. Т. 1. P. 267.

¹¹² Chuquet А. Op. cit. Т. 1. P. 118.

¹¹³ Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 117.

¹¹⁴ Кастело А. Указ. соч. С. 24.

¹¹⁵ См.: Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 58.

что он трепетно взирал впервые, будучи 14-летним кадетом. Кстати, в 1814 г. Наполеон вновь побывает в Бриенне и покажет своим спутникам дерево, под кроной которого в дни своего ученичества он с увлечением читал «Освобожденный Иерусалим» Торквато Тассо¹¹⁶.

Приятные воспоминания остались у Наполеона и о *военных играх* в Бриеннском училище. Здесь он преображался в раскованного заводилу. Буквально ошеломляя товарищей своими знаниями военной истории, он изобретательно придумывал сцены по мотивам сочинений античных авторов, импровизировал сражения, штурмы и осады.

Особенно запомнилась бриеннским кадетам зима 1783 г. Тогда выпал обильный снег, и Наполеон прямо-таки виртуозно применил теоретические уроки фортификации к практике на школьном дворе. По его инициативе и под его руководством кадеты строили из снега валы и рвы, превратив всю школу в снежную крепость с четырьмя бастионами. Глазеть на нее собирались даже городские обыватели. Затем Наполеон разделил кадетов на две «армии», одна из которых штурмовала «крепость», а другая ее обороняла. Сам он брал на себя командование то одной, то другой «армией» и каждый раз одерживал победу. «Его талант, его гениальная сообразительность и находчивость в этой игре, – пишет о нем Ф. Кирхейзен, – повергли в изумление учителей и воспитанников»¹¹⁷.

Школьные успехи Наполеона в Бриенне не останутся без наград. Так, в 1781 г. он, как один из лучших учеников, получил лавровый венок из рук морганатической супруги герцога Орлеанского мадам де Монтессон, которая сопровождала герцога в поездке по стране. «Пусть этот лавровый венок принесет вам счастье!» – сказала мадам, вручая 12-летнему Наполеону заслуженную награду, и он запомнил ее слова¹¹⁸.

21 июня 1784 г. Наполеон впервые после пятилетней разлуки увидел отца. Папа Карло навестил его в Бриенне по дороге в Париж, где надеялся проконсультироваться у докторов относительно своей болезни желудка. Очень хотела приехать вместе с ним к сыну и мама Летиция, но не смогла: заботы о многочисленной семье и недостаток денег не позволили ей тогда увидеться с сыном.

Наполеон был счастлив увидеть отца, но испытал настоящий шок, глядя на то, как исхудал и ослабел папа Карло от страшного недуга, который вскоре будет диагностирован: *рак*. Больше он отца уже не увидит...

Между тем в Бриеннском училище приближались выпускные экзамены. Выпускники знали, что лучшие из них будут приняты для завершения военной учебы в Парижскую королевскую военную школу, которую основал король Людовик XV по капризу (на этот раз очень полезному) своей знаменитой фаворитки Жанны Антуанетты де Помпадур. Наполеон, конечно же, рассчитывал попасть в число лучших. Главный субинспектор королевских военных школ Франции генерал Кералио дал ему перед экзаменами лестную характеристику: «Месье де Буонапарте (Наполеон) родился 15 августа 1769 г. Рост – четыре фута десять дюймов десять линий (166 см. *Н. Т.*). Хорошего телосложения, отменного здоровья. Характер мягкий (? – *Н. Т.*). Честный, признательный человек примерного поведения. Особенно проявил себя в области математических наук. Удовлетворительно знает историю и географию. Отстает лишь в изящных искусствах. Из него получится отличный моряк»¹¹⁹.

Стать моряком Наполеону не было суждено. Мало того, что вакансии для службы на флот случались редко и по высокой протекции. Против морской службы категорически была настроена мама Летиция – ее пугала в той службе двойная опасность для сына, от огня и воды. Поэтому Наполеон без видимой охоты решил выбрать своей специальностью артилле-

¹¹⁶ Кастело А. Указ. соч. С. 27.

¹¹⁷ Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 57. О том же см.: Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 118.

¹¹⁸ Кастело А. Указ. соч. С. 28–29.

¹¹⁹ Masson F. Napoléon dans sa jeunesse. 1769–1793. P., 1911. P. 88.

рию. Потом выяснится, что он в этом выборе не прогадал. Но тогда «жалко ему было расставаться с мечтой о море, как будто он уже предчувствовал, что всю жизнь будет воевать на суше из-за моря»¹²⁰. «О, если бы я владел морями!» – грустил он на острове Святой Елены¹²¹.

Выпускной экзамен в сентябре 1784 г. Наполеон выдержал блестяще. Инспектор Рейно де Монт, прибывший из Парижа специально для отбора лучших кандидатов в столичную военную школу, обратил на него особое внимание. Наполеон был выделен в группу «*cadets gentilhommes*» («Курсантов-дворян») – самых отборных из лучших выпускников. В свидетельстве об окончании Бриеннского училища он прочел о себе следующее: «Характер имеет доминирующий, властный и напористый»¹²².

30 октября 1784 г. пятеро «*cadets gentilhommes*» в почтовом дилижансе выехали из Бриенна в Париж. Среди них был и Наполеон. В его хронологических заметках того времени под названием «Эпохи моей жизни» этот день назван с ремаркой: «Отправился в Парижскую школу»¹²³.

Парижское королевское военное училище для дворян-курсантов считалось высшим, вроде военной академии, хотя и называлось официально школой. Располагалось оно в роскошном здании дворцового типа на Марсовом поле в центре столицы. Все курсанты жили при училище, причем Наполеон оказался, к удовольствию своему, в отдельной мансарде, которую он называл *кельей*. Она помещалась под куполом училищного дворца. Курсанты подсчитали и потом вспоминали: «Нужно было преодолеть 76 ступеней, чтобы добраться до кельи будущего императора»¹²⁴.

Воспитателей в училище было больше, чем воспитанников (150 против 130), но собственно учителей-предметников из них лишь тридцать. Они преподавали математику, историю, литературу, географию, фортификацию, рисование, немецкий и английский языки, фехтование. Кроме того, с курсантами занимались три специалиста по верховой езде и два танцмейстера. Все они ежедневно, чередуясь, вели по восемь часов занятий.

Среди товарищей Наполеона в Парижском училище обращал на себя внимание сын генерала и внук банкира, будущий посол в России, маркиз, пэр и маршал Франции Жак Александр Бернар де Лористон. Тогда же там учился, по данным А. Шюке, Раймон Огюстен Дельмас¹²⁵, возможно, брат того Дельмаса (Антуана Гийома), который был в оппозиции Наполеону – первому консулу и даже арестовывался по делу о заговоре генерала Ж.-В. Моро против Наполеона, но был прощен, геройски сражался в битвах при Лютцене, Бауцене, Кацбахе и погиб под Лейпцигом. Самым же близким другом Наполеона во время их учебы в Париже стал шевалье Александр де Мази, всю семью которого Наполеон позднее осыпал благодеяниями¹²⁶. Зато сидевший на занятиях обычно за одним столом с Наполеоном Антуан Ле Пикар де Фелиппо с тех пор и навсегда стал его злейшим врагом.

Вообще очень характерно, что большинство однокашников Наполеона по Бриенну и Парижу (потомственные дворяне!) после революции эмигрировали. Де Фелиппо станет полковником английской армии и в 1799 г. будет руководить осадой крепости Сен-Жан д'Акр против войск Наполеона, а другой их соученик, разделявший с ними обоими стол для учебных занятий, Пьер-Мари-Огюст Пико де Пикадю, перейдет на службу в австрийскую армию, дважды (в 1805 и 1809 г.) попадет в плен к французам, сначала к самому Наполеону, а затем к маршалу Л. Н. Даву, оба раза будет отпущен на волю по приказу Наполеона, продолжит

¹²⁰ Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 120.

¹²¹ Lacombe-Gayet G. Op. cit. P. 240.

¹²² Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 63.

¹²³ Masson F. Op. cit. P. 89.

¹²⁴ Кастело А. Указ. соч. С. 34.

¹²⁵ См.: Chuquet A. Op. cit. T. 1. P. 426, 447.

¹²⁶ См.: Кастело А. Указ. соч. С. 35; Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 65.

вооруженную борьбу против своего отечества и дослужится до чина фельдмаршала-лейтенанта Австрийской империи¹²⁷.

В Парижском училище Наполеон вел себя и с учителями, и с курсантами солиднее, чем в Бриенне, но характеру своему – «властному и напористому» – оставался верен. По-прежнему он часто уединялся в своей «келье» и не любил, чтобы его беспокоили и отвлекали от занятий. Как и прежде, терпеть не мог насмешек над его «простонародностью» и «островитянскими» манерами. Когда юнцы из древних родов – Лавали-Монморанси и Роганы-Гименеи – задевали его самолюбие, он не давал себя в обиду, пуская в ход острое словцо, а то и кулаки. «Раздал же я тогда немало затрещин!» – вспоминал он не без гордости уже в изгнании на Святой Елене¹²⁸.

Пренебрежительное отношение к родовитости без прочих достоинств сохранилось у Наполеона на всю жизнь. Характерный эпизод воспроизвел по воспоминаниям очевидцев Андре Кастело. Однажды в Тюильри императору Наполеону были впервые представлены камергеры его двора – сплошь из аристократической знати, один «породистее» другого. «Министр двора спросил императора, кто из них может приступить к несению службы. Наполеон ответил:

– Мне абсолютно все равно!

– Но, сир...

– Ладно, – согласился император, разглядывая кучку царедворцев, словно выбирая лошадей для пополнения конского состава, возьмите вон того блондина и того курчавого...»¹²⁹

Не терпевший насмешек над собой курсант Наполеон зато с удовольствием командовал отпрысками дворянской аристократии в различных военных играх, которые он, как правило, сам и придумывал. Здесь он еще нагляднее и эффектнее, чем в Бриенне, демонстрировал свои таланты и очевидное превосходство над товарищами. С достоинством, как равный, обращался он и к старшим (учителям, священнослужителям), озадачивая либо даже шокируя их своими, порой неожиданно острыми ответами на их замечания или вопросы. Когда, например, парижский архиепископ, у которого он причащался, заметил с удивлением, что имя «Наполеон» не значится в святцах¹³⁰, будущий император, а пока 15-летний школяр, ему объяснил: «В этом нет ничего удивительного. Просто святых больше, чем дней в году!»

Учился Наполеон в Париже, как и в Бриенне, неровно. В математике, которую, кстати, преподавал в Парижском училище Людовик Монж – родной брат знаменитого академика Гаспара Монжа, Наполеон был лучшим из лучших. Преуспевал он и в изучении истории, литературы, географии. Но вот рисование, фехтование, верховая езда у него «хромали», хотя в Бриенне он считался отличным фехтовальщиком. Особенно же не давались ему языки. Преподаватель немецкого языка Бауэр, когда ему сказали, что Наполеон – лучший математик в училище, съязвил: «Да, я всегда был того мнения, что математика – только для глупцов»¹³¹.

Александр де Мази так вспоминал об учебных злключениях Наполеона в Париже: «Когда наш учитель немецкого так и не смог вбить ему в голову этот язык, несмотря на угрозы санкций, он отстал от него и позволил ему заниматься на своих уроках чем угодно. Наполеон испытывал отвращение к этому языку и не понимал, как можно удержать в голове хотя бы одно немецкое слово. Пользуясь предоставленной ему свободой, он на уроках немецкого читал книги по истории и политике, которые брал в библиотеке. Учитель правописания поступил так

¹²⁷ См.: Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. Избр. произведения. М., 2003. С. 626; Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. 4-е изд. М., 1986. С. 30–31.

¹²⁸ Цит. по: Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 121.

¹²⁹ Кастело А. Указ. соч. С. 38.

¹³⁰ Святцы – месяцеслов, список христианских святых по дням их поминовения на весь год.

¹³¹ Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 68.

же, как и преподаватель немецкого, и прогонял его из класса не за то, что тот замечательно писал, а потому, что отчаялся научить его самым элементарным основам каллиграфии»¹³².

О необузданно горячем характере курсанта Наполеона свидетельствует любопытный эпизод, запечатленный, правда, в различных версиях. Стендаль ссылаясь на такую информацию: «В газетах тех лет сообщалось, что во время одного из первых полетов Бланшара¹³³, происходивших на Марсовом поле, какой-то молодой человек, воспитанник Военной школы, пытался, невзирая ни на что, силой проникнуть в гондолу. То был Бонапарт». Комментируя эти строки, известный советский историк А. И. Молок заявил, что «рассказ о том, будто Бонапарт пытался силой проникнуть в гондолу воздушного шара, сочинен»¹³⁴. Иную версию этого рассказа можно прочесть у А. Кастело: «Однажды во время публичного праздника на Марсовом поле должны были запустить воздушный шар. Воспитанники школы уже довольно долго стояли в строю на плацу, а шар все не взмывал вверх. Тогда Буонапарте, передав свое ружье приятелю де Мази, вышел из рядов, подошел к шару и ножом перерезал веревки, удерживавшие его на земле. Шар в результате лопнул, а Буонапарте сурово наказали»¹³⁵.

Курсантам Парижской военной школы полагались выходные дни. Наполеон проводил их обычно в семье Луизы Мари Пермон, которая, еще когда жила на Корсике, дружила с Летицией Буонапарте. Теперь в ее парижской квартире 16-летний Наполеон впервые увидел дочь Луизы Лауру, которую со временем он одарит титулом герцогини д'Абрантес. А пока Лауре, родившейся 6 ноября 1784 г., шел только первый год жизни.

По данным Вальтера Скотта, в то же время Наполеон часто посещал дом аббата Рейналя – «подлинный литературный салон», где встречались интеллектуальные авторитеты разных взглядов¹³⁶. Сам Гийом Томас Франсуа Рейналь, историк и социолог, был корифеем французского Просвещения, сотрудником «Энциклопедии» Дени Дидро. О последующих контактах с ним повзрослевшего Наполеона речь впереди.

За полгода до окончания Парижского училища Наполеон пережил первую из самых тяжелых утрат: 24 февраля 1785 г. он потерял отца. Папа Карло умер от рака желудка в Монпелье на юге Франции, где он консультировался у врачей. Не помогла и грушевая диета, которую прописал ему не кто-нибудь, а личный врач королевы Марии-Антуанетты. Последний вздох Карло Буонапарте приняли старший сын Жозеф и Луиза Мари Пермон, оказавшаяся тогда в Монпелье по делам своего отчима-казначая. Покойник не дожил и до 39 лет.

Будучи уже на смертном одре, папа Карло сказал сыну Жозефу: «Ты старший в семье, но помни, что глава семьи – Наполеон»¹³⁷. Так оно и было. Один из братьев Жозефа и Наполеона Людовик прямо писал об этом Вальтеру Скотту: «Хотя Наполеон и не был старшим, но с ранней молодости он занял положение главы семьи и исполнял его обязанности»¹³⁸. Да, Наполеон приступил к исполнению таких обязанностей сразу после смерти отца, когда новому главе семьи не было еще и 16 лет.

Мама Летиция, молодая, 34-летняя вдова, осталась одна с восемью детьми, младшему из которых (Жерому) было всего три месяца. Папа Карло к тому времени успел промотать значительную часть семейного капитала. Давний благодетель семьи 73-летний граф Марбёф был уже тяжело болен, и жить ему оставалось полтора года. В то страшное для нее время Летиция получила письмо Наполеона с такими словами утешения и поддержки, какие мог сказать

¹³² Цит. по: Кастело А. Указ. соч. С. 37. Андре Кастело (автор 10-томной биографии Наполеона) с сожалением констатирует, что «драгоценные воспоминания» де Мази «до сих пор не опубликованы» (Там же. С. 35).

¹³³ Бланшар Франсуа (1753–1809) – один из первых французских воздухоплателей.

¹³⁴ Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 6, 340.

¹³⁵ Кастело А. Указ. соч. С. 36.

¹³⁶ Скотт В. Указ. соч. Т. 1. С. 12.

¹³⁷ Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 186.

¹³⁸ Скотт В. Указ. соч. Т. 1. С. 9.

только он: «Утешьтесь, моя дорогая маменька, этого требуют возникшие обстоятельства. Мы непременно удвоим наши заботы о вас, нашу признательность и будем счастливы, если наше беспримерное послушание хоть немного облегчит вашу невосполнимую утрату»¹³⁹.

Добрую память об отце Наполеон будет хранить всю жизнь. Но при этом он не позволял себе излишней, на его взгляд, чувствительности. Показателен его ответ на предложение жителей Монпелье воздвигнуть памятник Карло Буонапарте. Такое предложение было сделано в 1802 г., когда Наполеон возглавлял Французскую республику как ее первый консул. Вальтер Скотт (который почему-то отнес этот факт к 1814 г.) счел ответ Наполеона «столь же простым, сколь и разумным», и процитировал его: «Если бы я лишился отца вчера, то, конечно, следовало бы уважить его память соответственно моему нынешнему положению. Но прошло уже почти двадцать лет, и событие это не их тех, что должны интересовать и волновать публику. Оставим мертвых в покое»¹⁴⁰.

Смерть отца побудила Наполеона ускорить курс обучения в Парижской школе. Теперь он считал своим долгом стать без промедления опорой для матери, трех сестер и четырех братьев, а не «киснуть» еще два года курсантом. Поэтому он добился для себя досрочных экзаменов за полный курс школы, причем по математике его экзаменовал академик Пьер Симон Лаплас¹⁴¹ – ученый с мировым именем, автор ряда теорем, уравнений и даже «закона Лапласа» в высшей математике и механике. Математику и, конечно, историю, литературу, географию Наполеон сдал, что называется, «на ура». Гораздо хуже экзаменовался он по другим предметам. Но, как бы то ни было, конкурс выпускников, в котором участвовали курсанты всех королевских военных школ Франции, оправдал его надежды. По результатам конкурса, объявленным 28 сентября 1785 г., 59 из 137 кандидатов были аттестованы для военной службы и получили воинское звание подпоручика, т. е. младшего лейтенанта. Четверо из них были выпускниками Парижской военной школы: 39-й – Пико де Пикадю, 41-й – Ле Пикар де Фелиппо, 56-й – Александр де Мази. Наполеон оказался среди 59-ти победителей конкурса лишь 49-м¹⁴².

Так, через одиннадцать месяцев после зачисления в Парижскую военную школу Наполеон досрочно закончил ее с офицерским званием. К тому времени ему едва исполнилось 16 лет. Итоговая характеристика, которую составил Людовик Монж, гласила: «Наполеон Буонапарте. Собранный, трудолюбивый, отдает предпочтение учебе, а не различного рода развлечениям, любит читать книги хороших авторов; глубоко знает математику и географию; молчаливый, любит одиночество, капризный, высокомерный, его эгоизм беспределен; говорит мало, умеет напористо возразить, тщеславен, полон самолюбия, стремится сам всего достичь. Этот молодой человек достоин нашей протекции»¹⁴³.

Целый месяц новоявленными подпоручикам пришлось ждать, кого и куда назначат для несения службы. Наконец, было объявлено, что Наполеон и его лучший друг де Мази получают назначение в один и тот же артиллерийский полк, расквартированный в захолустном городке Валанс, южнее Лиона. 30 октября 1785 г. оба друга, радостно возбужденные мыслями о том, что теперь они сами хозяева своей судьбы, отбыли из Парижа в лионском почтовом экипаже к месту назначения.

¹³⁹ Письмо публиковалось и цитировалось многократно. См., напр.: ло А. Указ. соч. С. 41; Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 122.

¹⁴⁰ Скотт В. Указ. соч. Т. 1. С. 9. Ср.: Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 29.

¹⁴¹ См. об этом: Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 69.

¹⁴² См.: Кастело А. Указ. соч. С. 42.

¹⁴³ Там же.

Глава II Офицер

*Революция подходила ко мне, и меня очаровывало то равенство, которое должно было возвеличить меня.
Наполеон о Французской революции 1789 г.*

1. Первые шаги

Артиллерийский Ла-Ферский полк считался тогда одним из лучших во Франции. Командный состав полка формировался из наиболее подготовленных в профессиональном отношении офицеров. Все они общались между собой дружески, но дисциплину в полку поддерживали строжайшую.

Полк включал в себя два батальона по десять отрядов в каждом. Наполеон был прикомандирован к первому отряду первого батальона, причем, как вообще все «cadets gentilhommes», обязан был пройти три служебные ступени – рядового, капрала и сержанта, – чтобы получить таким образом подтверждение своего офицерского чина для своего полка. Продолжительность такого служебного испытания могла составить целый год, но зависела от способностей испытуемого офицера. Наполеон прошел все три ступени за три месяца и 10 января 1786 г. был утвержден в офицерской корпорации «La Fère»¹⁴⁴.

Офицерская служба Наполеона в артиллерийском полку растянулась на четыре года (1786–1789): половину этого срока полк стоял в Валансе, затем полгода – в Дуэ, на границе с Фландрией, и еще полтора года в Оксонне (департамент Бургундия). Все это время Наполеон вынужден был сочетать нелегкую военную службу с заботами о своей семье, которая оставалась на Корсике. Офицерское жалованье было скромным, и почти половину его он отсылал домой, зная, что «мама Летиция» входила в долги, Жозеф, Люсьен и Людовик оставались еще не устроенными, а Жером и все три сестры были совсем маленькими детьми. 20 сентября 1786 г. умер граф де Марбёф. Семья Буонапарте лишилась его покровительства и пособий. Теперь Летиция связывала все свои надежды с Наполеоном, но что он мог сделать? Выдвинуться по службе среднему дворянину с полудикой Корсики без ренты, титула и протекции было до революции невозможно. Целых шесть лет Наполеон оставался младшим лейтенантом!

В то время он экономил на всем. В Оксонне, во флигеле дома, где квартировали младшие офицеры его полка, снимал самую скромную комнату. Обставлена она была по-спартански: простая койка с соломенным тюфяком, старое кресло, плетеные стулья, маленький столик. «В наше время, – пишет об этом Андре Кастело, – эта конура о четырех стенах удостоилась чести “стать историческим памятником”». В Валансе Наполеон еще позволял себе завтракать, обедать и ужинать, хотя его завтрак состоял из стакана воды с двумя хлебцами. Потом бывало и так, что он, по собственному его признанию, ел «только раз в сутки». «Я знаю, что такое бедность, – не без гордости говорил он, уже будучи императором. – Когда я имел честь быть подпоручиком, я ел сухой хлеб и запирал дверь на ключ, чтобы не видели моей бедности»¹⁴⁵.

Показателен такой случай. Как-то император Наполеон встретился с одним из своих бывших однополчан Ж.-П. Монталиве и стал расспрашивать его о некой «славной лимонаднице» в Валансе. Тот удивился: в чем дело? «Я боюсь, – пояснил император, – что в свое время недо-

¹⁴⁴ См.: Кастело А. Бонапарт. М., 2004. С. 46; Кирхейзен Ф. Наполеон I. Его жизнь и его время. М., 1997. С. 70.

¹⁴⁵ Levy A. Napoléon intime. P., 1897. P. 43, 45.

статочно точно оплатил все чашки кофе, выпитые у нее. Возьмите 50 луидоров и передайте ей от меня»¹⁴⁶.

Вспоминать о своей лейтенантской бедности императору было легко, но жилось младшему лейтенанту Наполеону чрезвычайно трудно. Вот его запись в дневнике от 3 мая 1786 г.: «Всегда один среди людей. Я возвращаюсь домой, чтобы мечтать наедине с самим собой и предаваться меланхолии. О чем же я буду мечтать сегодня? О смерти. На заре моих дней я мог бы надеяться еще долго прожить и быть счастливым. Какое же безумие теперь заставляет меня желать конца? Что мне делать в этом мире?.. Как люди далеки от природы! Как подлы, низки, презренны!»¹⁴⁷

Но то были всего лишь редкие минуты отчаяния. И в юности Наполеон умел, как немногие, взять себя в руки при любой ситуации и мобилизовать все свои духовные и физические силы на достижение заданной цели. В Валансе он с первых же дней стал досконально изучать артиллерийскую службу. В полку она была поставлена образцово: «... три раза в неделю давались теоретические и три раза практические уроки, во время которых выдвигались осадные орудия, изготовлялись артиллерийские снаряды, пускались сигнальные ракеты – словом, производились все манипуляции, необходимые для артиллериста»¹⁴⁸.

Наполеон с одинаковым интересом, если не сказать энтузиазмом, вникал в теоретические курсы высшей математики и механики, интегрального и дифференциального исчисления, прикладной физики, химии, фортификации, а на практических занятиях осваивал искусство маневров, устройство батарей, фейерверочное дело, стрельбу из гаубиц, мортир, фальконетов. Мало того, сверх обязательных занятий, он углублялся в изучение трудов Ж. Б. Грибовала – генерала Людовика XVI, новатора в использовании артиллерии и создателя более подвижных лафетов для артиллерийских орудий. Свои собственные наблюдения и выводы поручик Бонапарт записывал в особые «Cahiers sur l'artillerie» («Тетради по артиллерии»), судя по которым уже тогда в нем проявился так развернувшийся позднее феноменальный талант артиллериста. Он даже написал трактат по баллистике («О метании бомб»). «Если сравнить приказания, которые впоследствии Наполеон отдавал своим артиллерийским генералам, – читаем об этом у Ф. Кирхейзена, – то приходишь невольно в изумление, находя в них те же принципы, часто даже те самые выражения, какие мы находим в его юношеских записях»¹⁴⁹.

В Оксонне на талантливом подпоручике обратил внимание начальник местного артиллерийского училища генерал-лейтенант барон Жан-Пьер дю Тейль. Он не единожды давал Наполеону поручения, столь ответственные, что с ними не могли справиться и старшие офицеры. Так, в 1788 г., когда Оксонн посетил губернатор Бургундии, принц из боковой ветви Бурбонов Луи Жозеф Конде, дю Тейль доверил Наполеону команду над главной школой стрельбы. «Зависть товарищей по поводу такого отличия, – заметил Ф. Кирхейзен, – побудила их сыграть с Наполеоном шутку: они заколотили орудие в его батарею. Но он вовремя заметил проделку и быстро привел все в порядок»¹⁵⁰.

Дю Тейль был к подпоручику Бонапарту и благосклонен, и строг (однажды посадил будущего императора на 24 часа под арест), но в строгости справедлив. Наполеон уже на вершине своей карьеры вспоминал: «Генерал дю Тейль научил меня повиноваться и повелевать». Не забудет он о генерале и в своем предсмертном завещании на острове Святой Елены – оставит

¹⁴⁶ Chuquet A. La jeunesse de Napoléon. P., 1897. Т. 2. P. 164.

¹⁴⁷ Napoléon. Manuscrits inédite 1786–1791. P., 1910. P. 5–6.

¹⁴⁸ Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 71.

¹⁴⁹ Там же. С. 84–85. См. также: Мережковский Д. С. Наполеон. М., 1993. С. 123.

¹⁵⁰ Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 85.

сыну дю Тейля 100 тыс. франков с такой припиской: «Из благодарности за труды, которые потратил на нас храбрый генерал (Ваш отец), когда я был лейтенантом под его начальством»¹⁵¹.

Годы офицерской службы Наполеона в гарнизонах Валанса, Дуэ и Оксонна были, казалось, перенасыщены чисто служебными обязанностями и заботами. Тем не менее он всегда находил время для упорного самообразования. По-прежнему и еще больше прежнего зачитывался он трактатами своего кумира Руссо, которого просто боготворил: «О, Руссо! Почему надо было, чтобы ты прожил лишь шестьдесят шесть лет? В интересах истины ты должен быть бессмертным!» Увлекался юный подпоручик и сочинениями Вольтера, Дидро, Монтескье, а также Плутарха и Тацита, книгами по военной истории, но теперь круг его чтения стал шире – от экономических трудов Адама Смита и Жака Неккера до художественной классики И. В. Гете и Ф. Шиллера. В 1792 г. Наполеон рассказывал о том времени своему другу, великому артисту Ф. Ж. Тальма: «Я жил как раз напротив некоего бравого книготорговца по имени Марк Аврелий – прекрасное имя, не правда ли? Он предоставил в мое полное распоряжение всю свою книжную лавку»¹⁵².

Впрочем, и «всей книжной лавки» Наполеону, как «пожирателю книг»¹⁵³, тогда не хватало. Вот случай из его жизни в Оксонне, обративший на себя внимание академика Е. В. Тарле: «Однажды, посаженный за что-то на гауптвахту, он совершенно случайно нашел в помещении, где был заперт, неизвестно как попавший туда старый том юстиниановского сборника (по римскому праву). Он не только прочел его от доски до доски, но потом, почти 15 лет спустя, изумлял знаменитых французских юристов на заседаниях по выработке Наполеоновского кодекса, цитируя наизусть римские дигесты. Память у него была исключительная»¹⁵⁴.

В общем, как справедливо заключает Дэвид Чандлер, Наполеон «жадно читал все, что мог достать», – особенно о деяниях великих полководцев всех времен и народов, «но он читал все это не только с пылом увлечения, но и критически, и из ошибок или недостатков своих кумиров извлек для себя не меньше пользы, чем из их успехов»¹⁵⁵.

Где и как он изыскивал время для такого самообразования? Наверное, главным образом, за счет сна. «Сплю мало, – писал он матери из Оксонна, – в десять ложусь, встаю в четыре»¹⁵⁶. Позднее он сочтет даже шестичасовой сон излишеством и установит для себя суточную норму сна в четыре часа.

В те же первые годы офицерской службы Наполеон затевал и первые свои литературные опыты. К 1788 г. относится его набросок публицистической статьи о королевской власти с резким осуждением монархизма: «Мало кто из королей достоин занимаемых ими тронов»; «В двенадцати европейских государствах короли пользуются узурпированной ими властью»¹⁵⁷. А в следующем году Наполеон принял участие в литературном конкурсе, который объявила Лионская академия. Тему для конкурса предложил аббат Г. Рейналь: «Какие законы и установления следует дать людям, чтобы сделать их счастливыми?»¹⁵⁸ Наполеон представил на конкурс свое «Рассуждение о счастье». «Секрет счастья, – писал он, – заключается прежде всего в мужестве, силе, этом средоточии добродетели. Энергия – это жизнь души, главная пружина разума. Хороший человек – это сильный человек».

¹⁵¹ Завещание Наполеона // Наполеон Бонапарт. Императорские максимы. М., 2003. С. 144.

¹⁵² Тальма Ф. Ж. Мемуары. М.; Л., 1931. С. 192. Как известно, в Древнем Риме был император Марк Аврелий (121–180).

¹⁵³ Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. М., 2000. С. 100.

¹⁵⁴ Тарле Е. В. Наполеон. М., 1992. С. 15. Дигесты – в Древнем Риме правовые сборники извлечений из юридических трактатов и законов.

¹⁵⁵ Чандлер Д. Цит. соч. С. 101.

¹⁵⁶ Levy A. Op. cit. P. 43.

¹⁵⁷ Цит. по: Тюлар Ж. Наполеон, или миф о «Спасителе». М., 1996. С. 41.

¹⁵⁸ Подробно об этом см.: Кастело А. Цит. соч. С. 67; Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 116–117; Стендаль. Собр. соч. М.; Л., 1950. Т. 14. С. 191–192; Тюлар Ж. Цит. соч. С. 53–54.

Что же касается законов и установлений, необходимых для счастья человечества, то в своем «Рассуждении» Наполеон буквально восстал против социального неравенства. Считаю уместным – вслед за Ж. Тюларом – процитировать целую страницу из наполеоновского «Рассуждения» на эту тему:

«За беззаботным детством следует пора пробуждения страстей. Среди спутниц своих юношеских забав мужчине предстоит выбрать ту, которая назначена ему судьбой. Его сильные руки в согласии с его потребностями тянутся к работе. Он оглядывается вокруг, видит, что земля, находящаяся в руках немногих, превращена в источник роскоши и излишеств. Он задается вопросом: на основании каких прав люди пользуются этими благами? Почему у бездельника есть все, а у труженика почти ничего? Почему, наконец, они ничего не оставили мне, у которого на иждивении жена и престарелые отец с матерью? Он идет к священнику, пользующемуся его доверием, и делится с ним своими сомнениями. “Человек, – отвечает ему священник, – никогда не задумывайся над устройством общества <...> Все в руках Божьих. Доверься Его провидению. Мы – лишь странники на этой земле, где все устроено по справедливости, и не нам доискиваться до ее оснований. Верь, смирайся, никогда не ропщи и трудись. Таков твой долг”. Гордая душа, чувствительное сердце, природный разум не могут удовлетвориться подобным ответом. И вот он поверяет другому свои сомнения и беспокойства. Он идет к мудрому из мудрых к нотариусу. “Мудрец, – обращается он к нему, – все блага этого края поделены, а меня обошли. Почему?” Мудреца смешит его простодушие, он приглашает его в свою контору и там, от купчей к купчей, от договора к договору, от завещания к завещанию доказывает ему законность всех вызывающих его недоумение дележей. “Как? Так вот каковы права этих господ! – с негодованием восклицает он. – Но ведь мои куда более святы, бесспорны, всеобщы. Они оправданы моим потом, текущей в моих жилах кровью, скреплены нервами, запечатлены в сердце. Они – основа моей жизни и моего счастья!” С этими словами он сгребает в охапку весь этот бумажный хлам и бросает его в огонь»¹⁵⁹.

Стендаль считал, что Наполеон был удостоен премии за свое «Рассуждение» от Лионской академии, но, став императором, уничтожил его, предав огню¹⁶⁰. Однако трудами последующих историков доказано, что премии Наполеон не получал, но и не сжигал своей рукописи (она сохранилась до наших дней, публикация Ф. Массона). Ф. Кирхейзен в начале XX в. разыскал и процитировал следующее заключение члена Лионской академии Кампиньоля о конкурсном опусе Наполеона: «Это, может быть, произведение чрезвычайно искреннего человека, но оно слишком неумело составлено, слишком разбросанно, отрывочно и написано чересчур плохо, чтобы быть достойным внимания»¹⁶¹.

Уже в то время, еще до начала великой революции 1789 г., 19-летний Наполеон определенно склонялся к республиканским взглядам.

Сохранившиеся записи юного подпоручика за 1786 г. прямо свидетельствуют об этом. «Божеские законы запрещают народам восставать на царей? – возмущался будущий император, а пока младший лейтенант. – Что за нелепость!.. Нет закона, которого народ не мог

¹⁵⁹ Цит. по: Тюлар Ж. Цит. соч. С. 53–54.

¹⁶⁰ Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 191–192.

¹⁶¹ Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 116–117.

бы отменить»¹⁶². Ж. Тюлар имел все основания заявить, что «Бонапарт был республиканцем задолго до взятия Бастилии, раньше Робеспьера и Дантона»¹⁶³.

Итак, Наполеону около 20 лет. Как он тогда выглядел? Об этом сохранился подробный (скорее всего, приукрашенный) рассказ Лауры Пермон, будущей герцогини д'Абрантес, которая в то время была 5-летним ребенком. «Самым очаровательным в нем был его взгляд, – вспоминала герцогиня, – и прежде всего какое-то мягкое, милое выражение его лица в минуту внутреннего расположения. По правде говоря, когда наступала гроза, то это было просто ужасно; я не из робкого десятка, но, должна признаться, старалась не глядеть на его прелестную, оживленную физиономию в приступе гнева, который всегда вызывал у меня дрожь; у него была пленительная улыбка, но от презрительного шевеления губ тоже пробежали по коже мурашки. Но все это – его голова с широким лбом, на котором будут сиять короны этого мира, его нежные руки, которыми могла бы гордиться любая кокетка, его эластичная белая кожа, под которой выпирали стальные мышцы, его благородная косточка офицера – все это не проявлялось в детстве и заявило о себе в полный голос только тогда, когда он превратился в пригожего юношу»¹⁶⁴.

Поскольку Наполеон в то время был тонконог, и офицерские сапоги казались на нем непропорционально большими, старшая сестра Лауры Сесилия назвала его: «Кот в сапогах». Наполеон поначалу обиделся, но, к чести его, быстро смог оценить юмор девочки и подарил ей изящное издание сказки Шарля Перро «Кот в сапогах», а заодно и Лауре игрушку: «Кот в сапогах бежит за каретой своего хозяина маркиза Карабаса»¹⁶⁵.

Кстати, именно в первые годы офицерской службы появились в жизни Наполеона первые женщины. Дважды, мальчишески целомудренно, влюблялся он за время службы в Валансе. Сначала в салоне местной «львицы» мадам Грегуар дю Коломбье он познакомился с ее 16-летней дочерью Каролиной (своей ровесницей) и увлекся ею со всей силой и простодушием первой любви. «Мы назначали друг другу тайные свидания, – вспоминал об этом император на острове Святой Елены. – Помню особенно хорошо одно из них, в раннее летнее утро. Никто не поверит, что все наше счастье заключалось в том, что мы вместе ели вишни»¹⁶⁶. Мать Каролины сочла младшего лейтенанта Бонапарта невыгодной партией для своей дочери и выдала ее замуж за капитана Гарремпеля де Брессье. А Наполеон сохранил о своей первой любви светлую память и, став императором, «пожаловал мужу Каролины, ее брату и ей самой титулы и знаки отличия»¹⁶⁷.

Позднее в том же Валансе приглянулась Наполеону хорошенькая мадемуазель де Сен-Жермен. Ее отец Жозеф де Сен-Жермен был королевским откупщиком. Ему наставил рога сам король Людовик XV. Жена откупщика родила от Его Величества дочь Луизу-Аделаиду. В нее и влюбился Наполеон, да так серьезно (на его взгляд), что рискнул просить у отца Луизы-Аделаиды ее руки. Откупщик младшему лейтенанту в этой просьбе отказал, резонно сомневаясь, светит ли ему достойное будущее. «Так, – заключает Андре Кастело, – будущий император чуть было не стал негласным зятем короля Людовика XV»¹⁶⁸. Луиза-Аделаида вскоре выйдет замуж за графа Жан-Пьера де Монталиве, которого, как и де Брессье, император Наполеон не обойдет своей милостью, а именно сделает его своим министром внутренних дел.

Важным событием в жизни младшего лейтенанта Наполеона Буонапарте стал его первый после семилетнего отсутствия приезд на Корсику. Получив шестимесячный отпуск, он 15 сен-

¹⁶² Napoléon. Manuscrits... P. 1.

¹⁶³ Тюлар Ж. Цит. соч. С. 41.

¹⁶⁴ Цит. по: Кастело А. Цит. соч. С. 39.

¹⁶⁵ Там же. С. 43.

¹⁶⁶ Las Cases E. Le memorial de Sainte-Hélène. P., 1894. T. 1. P. 102.

¹⁶⁷ Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 71–72. Каролина де Брессье была назначена фрейлиной матери-императрицы.

¹⁶⁸ Кастело А. Цит. соч. С. 46–47.

тября 1786 г. сошел с корабля на родной берег в порту Аяччо. Встречало его многолюдье горожан – не только родные, друзья и знакомые, но и просто любопытные: весь город знал, что приезжает на родину первый из корсиканцев выпускник Парижской королевской военной школы.

Главной радостью для Наполеона стала долгожданная встреча с мамой Летицией, братьями и сестрами, причем трех младших из них – шестилетнюю Полину, четырехлетнюю Каролину и полуторагодовалого Жерома – он увидел впервые. Старший из братьев Жозеф так вспоминал об этой встрече: «Приехал Наполеон. Это было большим счастьем для матери и для меня <...>. У него были сочинения Платона, Плутарха, Корнелия Непота, Тита Ливия и Тацита во французских переводах. Кроме того, книги Монтеня, Монтескье и Рейналя. Все они находились в сундуке, который был гораздо больше того, где лежало его платье»¹⁶⁹.

Дома Наполеон с первых же дней, даже в присутствии Жозефа, занялся семейными делами как глава семьи. Он увидел, сколь нуждается в деньгах мама Летиция, которой приходилось кормить и воспитывать пятерых младших детей, а кроме того, оплачивать обучение Жозефа и Люсьена. Жозеф учился тогда на юриста в Пизанском университете, который в свое время окончил и «папа Карло», а Люсьен только начал осваивать азы богословия в духовной семинарии г. Экса на юге Франции. Наполеон потом всю жизнь будет трогательно вспоминать о «чудесах домашней экономии» у мамы Летиции: «Главный принцип, который она блюла, – ничего не трать!»¹⁷⁰

Содержать многолюдную семью с таким «главным принципом», конечно, было бы невозможно. Поэтому Наполеон все время своего офицерского отпуска в Аяччо хлопотал о выделении положенных многодетной семье Буонапарте пособий. Он стучался в двери самых разных чиновничьих инстанций, от местного интенданта до королевского генерал-контролера, но добивался лишь грошовых подачек, и это его удручало. Ему удавалось дважды продлевать отпуск ради хлопот о семье, но без видимых результатов. Между тем время и продленного отпуска заканчивалось. К счастью для всей семьи Буонапарте, в мае 1788 г., незадолго до вынужденного отъезда Наполеона с Корсики обратно в свой полк, вернулся домой из Пизы Жозеф уже с дипломом адвоката. «Таким образом, – подытоживает Ф. Кирхейзен, – Наполеон покинул мать и своих близких по крайней мере с сознанием, что у них есть теперь опора в лице старшего брата»¹⁷¹

¹⁶⁹ Цит. по: Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 77.

¹⁷⁰ Цит. по: Кастело А. Цит. соч. С. 53.

¹⁷¹ Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 82.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.